

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“РАЗДЕЛИЛИ И МЫ
НЕДЕЛИМОЕ”
ИЛИ
ПИСЬМА С УКРАИНЫ,
КОТОРОЙ НЕТ...

... Львов, где в 60-е годы я дважды побывал на военной переподготовке, был прекрасен. Я жил в казармах Стрыйского парка. Каштаны шумели ясными тёплыми осенними днями. Листва жёлтыми реками колыхалась и плыла по аллеям. Бронзовый Адам Мицкевич глядел свысока на площадь, на знаменитый оперный театр, на футбольную биржу, где разбитной львовский народ делал свои ставки, бил по рукам, обмывал выигрыши... Львов, где судьба свела меня с поэтом и геологом Эрнстом Портнягиным, ставшим преданным моим другом вплоть до своей смерти... Львов, где я с наслаждением переводил стихи “националиста” и “западенца” Мыколы Петренко, круглолицего, рано полысевшего, прошедшего юность свою на каторжных работах в Германии. Его печальные воловьи глаза смотрели на меня с упрёком: он никак не мог убедить своего русского друга в том, что Тарас Шевченко как поэт больше Пушкина. Мы пили с ним горилку и закусывали салом в его тихой квартире возле Стрыйского парка.

Со стены на меня глядела посмертная маска великого Тараса. Да и сам Петренко был похож на него – такой же круглолицый, лысоватый, лобастый, с шевченковскими грустно повисшими к подбородку усами.

Когда я хотел подразнить или чуть-чуть поставить его на место, я нарочно равнодушным голосом заводил речь о том, что да, Шевченко великий украинский поэт, но повести свои и дневники, и даже некоторые поэмы он писал на русском языке. Мыкола слушал меня со страдальческим выражением лица, которое как бы говорило: да не может быть того! А если и так, то знать я того не хочу!.. Его воловьи глаза в такие минуты наполнялись слезами. А я ещё щадил его, не напоминая бедному, что и его земляк, полтавский мудрец Григорий Сковорода писал свои труды не на языке Ивана Драча, что “Кобзарь” и “Гайдамаки”, а также книги Котляревского, Гребёнки и Квитко-Основьяненко впервые увидели свет не в Киеве и Львове, а в “имперском” Петербурге и “порфиноносной” Москве, куда 600 лет тому назад уроженец Волины святитель Пётр перенёс из Киева митрополичий престол.

А о Гоголе я уже и не вспоминал. Он для “захидника” Мыколы уже в те времена был сплошной незаживающей раной – с его Тарасом Бульбой, устами которого было сказано о “русском товариществе”.

А когда я выходил из себя, поскольку Мыкола не желал в упор видеть очевидного, то жестко говорил ему:

– Перечитай дневники Тараса. Кого он там чаще других вспоминал? Не Кулиша и Костомарова, а Гоголя, Лермонтова, Пушкина да Тютчева! И сослал его в солдаты не за стихи и поэмы, а за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве, тайной киевской организации, похожей на кружок Петрашевского. Фёдора Михайловича ведь тоже сослали, да не в солдаты, а на каторгу! Царь ещё великодушно поступил, потому что тремя годами раньше Шевченко написал поэму “Сон”, где оскорбил не только помазанника Божьего, но и его супругу. Вот читай, как царь по залам

*прохаживается важно
с тощей, тонконогой,
словно высохший опёнок,
царицей убогой.*

Она у Шевченко и “голенастая, как цапля”, и “трясёт головою”. Словом, поиздевался поэт над женщиной, страдающей нервной болезнью. Это – благородно? Поэма по рукам ходила по всему Петербургу. Император её знал, конечно, но даже пальцем не пошевельнул, чтобы хоть как-то приструнить хама! У Мыколы текли слёзы. Он ничего не мог сказать, кроме как:

– Давай лучше выпьем за гениального Тараса!

– Гениального? – взвизвался я.

– *От молдаванина до финна на всех наречьях всё молчит!* – торжественно декламировал Мыкола, указуя пальцем в потолок.

– А ты помнишь нашего Пушкина, который, как ты говоришь, не дорос до Шевченко, как бы в ответ Тарасу он говорил другое, что “наречья” не будут “молчать”:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...*

Я вскакивал, подбегал к книжным полкам, над которыми висела гипсовая маска Кобзаря, хватал томик Пушкина, лихорадочно листал страницы.

– Твой Шевченко – замечательный национальный поэт, соглашусь, но он чем-то похож на Радищева, о котором Пушкин вот что пишет: “Он истинный представитель полупросвещения...”

– А “Гайдамаки”! – в ярости кричал Петренко. Историю гайдамаков я представлял плохо. Но ни он, ни я тогда, к сожалению, не знали размышлений на эту тему историка В. О. Ключевского: “И казаку, и холопу легко было растолковать, что церковная уния – это союз ляхского короля, пана и ксёндза, и их общего агента жида против русского Бога, которого обязан защищать каждый русский... Так казачество получило знамя, лицеза сторона которого призывала к борьбе за веру православную и за народ русский, оборотная – к истреблению и изгнанию панов и шляхты из Украины”.

Когда же моих аргументов мне не хватило, я, словно козырную карту, бросал на стол стихи самого Тараса:

*И меня в семье великой,
в семье вольной новой,
не забудьте помянути
незлым тихим словом.*

– Как ты думаешь, о какой семье народов он говорил? Конечно же, о славянской, о судьбах которой вопрошал Пушкин: “Славянские ручьи сольются в русском море, // Оно ль иссякнет – вот вопрос!” Ну, не европейскую же “вольную семью” имел в виду Тарас, зная, что эта семейка веками топтала его “неньку Украину” австрийскими, польскими, шведскими и немецкими сапогами!

– А русские сапоги – что, не топтали украинскую землю? – взволновался Петренко, но я в ответ вспоминал слёзные прошения его земляков:

“И приговорили в раде, что им от крестьянской веры не отступить: буде на них ляхи наступят, а их мочи не будет и им бить челом государю царю и ве-

ликому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Русии, чтоб государь их пожалевал, велел принять под свою государскую руку“.

Из отписки казацкой рады в Корсуни, 28 сентября 1632 года.

“Просим: изволь, Ваше царское величество, нас, верных слуг и подданных своих, имати и от всех неприятелей оборонити”.

Из письма Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу, январь 1654 года.

Я напоминал Миколе, что памятник Тарасу Шевченко стоит не в польской Варшаве и не в австрийской Вене, а в центре Москвы, что в России есть город, носящий имя Тараса*, про улицы и площади и говорить нечего, их, наверное, сотни... Поэтому, когда Пушкин пишет “и гордый внук славян” – он и твоих хохлов, Микола, имеет в виду! Ты же не будешь отрицать, что украинцы – это “внуки славян”!

... Неужели я уже никогда в жизни не пройду по отполированной веками львовской брусчатке, не опущусь в винный подвальчик на улице “25-го жовтня”, не постою возле бронзового Мицкевича, не обнимусь с “захидником” Миколой, не позвоню по телефону поэту Грише Глазову, с которым мы перевели сборник стихотворений Петренко, изданный в Москве? Да и чего звонить? Наверняка он с семьёй уехал либо в Америку, либо на родину предков. Ведь жить на Западной Украине, аура которой насыщена именами и деяниями Степана Бандеры или Романа Шухевича, советским евреям в годы очередной смуты стало небезопасно.

... Вот отрывки из двух писем, полученных мною с Украины в 1991–1992 годах:

“Если бы Вы слушали республиканское радио, то ужаснулись бы – всё об отделении нас от России! Ни одного журналиста нет, который сказал бы, что это противоестественно – резать наши души на части. Ведь был же наш референдум, но им наплевать! Где, в какой стране могло такое случиться? Все объединяются, а мы – врозь! Ведь лучше поменять руководителей, чем расчленивать такую страну! Я и мои близкие пережили голод, войну, два брата погибли, защищая всю нашу державу, а теперь один живёт в Курске, а другие родственники – в Западной Сибири, значит, за границей! Что это такое? За что на старости лет? По какому праву?”

Только и слышишь по радио эмиссаров из США и Канады, как лучше и скорее отойти от России. Куда же нам обращаться? Может, это покажется Вам смешным, но надежда какая-то есть на Вас, Станислав Юрьевич, на Распутина, на Шафаревича. Что-то предпринять Вы должны, не молчите! Вы лучше всех понимаете, насколько это страшно – отделить нас от всего родного, заветного. Такая обида берёт за русских, украинцев, белорусов, что они не понимают всего ужаса так называемого “суверенитета”! От кого отделяться?! Пусть антихристы отделяются! Если возможно, ответьте мне, поддержите морально...

Искренне уважающая Вас
Изотова Екатерина Евгеньевна
и многие другие. 22.09.91 года,
г. Днепропетровск”.

Я ответил ей сердечным письмом, но что мы могли сделать в сентябре девяносто первого? Оклеветанные, смятые пропагандой, убитые предательством Кремля и Старой площади.

Гласностью в это время руководила успевавшая митинговать не только в Армении, но и на Украине Галина Старовойтова – советник Ельцина по национальной политике. В газете “Литературная Украина” она неистовствовала, открытым текстом вещая о том, что образование СССР явилось причиной “убийств миллионов людей пулей, голодом и холодом, прихода фашизма к власти в Германии, развязывания мировой войны и, наконец, Чернобыля”. Говоря про “убийства миллионов людей пулей”, Галина Старовойтова не уточнила, чью и какую “пулю” она имела в виду. Но то, что пуля, вошедшая ей в затылок, прилетела из эпохи великой криминально-демократической революции, породившей целое сословие киллеров, революции, пламя которой

* Теперь он, отошедший к Казахстану, давно переименован.

раздувала своими речами Старовойтова, – факт неопровержимый и даже банальный, если вспомнить, что революции пожирают своих детей.

Второе письмо я получил из Киева в сентябре девяносто второго, почти через год после беловежского расчленения страны.

“Я уже и не помню, сколько лет храню вырезку из газеты “Комсомольская правда” с Вашим стихотворением “Разговор с покинувшим Родину”. Наверное, лет двадцать, а то и больше...”

А сколько раз я прибегала к его помощи, не счесть!

Никогда не пойму ни умом, ни сердцем, как можно целому народу – евреям – подняться и в минуту беды покинуть Родину. Мой дед прятал евреев от Петлюры, мама – от немцев, а они бросили их внучку-дочку в минуту беды, когда страна нуждалась в каждом из нас.

Когда 90% евреев нашего института стали собираться на “историческую Родину” (только потом мы поняли, что многие из них использовали Израиль в качестве трамплина...), я отпечатала и поместила Ваше стихотворение на стенде. Они срывают, а я снова вывешиваю. Потом мне пригрозили по телефону, а я снова:

*Для тебя территория, а для меня —
это Родина, сукин ты сын...*

А сейчас на Украине (кстати, кто-то приказал говорить и писать: “в Украине”...) гуляет необандеровщина. Теперь не из учебников истории, а наяву мы узнали, что это такое. Например, в прокуратуре г. Киева открыто “Дело” в связи с нападением оуновцев на меня и ещё двух женщин во время распространения нами газет, призывающих славян жить в мире и дружбе.

Боже, какая же дикая, патологическая ненависть к русскому человеку пышет из украинских средств массовой информации!

16 сентября с. г. мы, коммунисты Киева, выходим на пикет к Верховному Совету Украины с протестом против реабилитации бандюг из ОУН-УПА и назначения им пенсий как ветеранам “национально-освободительной войны”...

На прощание говорю: “Дорогой “Наш современник”, держись, выживи, без тебя мы задохнёмся...”

С уважением Галина Петровна Савченко.
02.09.92, г. Киев”.

К письму было приложено обращение киевских коммунистов к президенту. Вот несколько отрывков из него:

“С глубоким возмущением воспринимаем широкую кампанию по реабилитации действий ОУН-УПА, “торжества” по случаю которой начались 8 августа с. г. в Киеве собранием “героев” УПА в лучшем здании города Дворце “Украина” и продолжались 9 августа бандеровским шабашем на пл. Богдана Хмельницкого. “Торжества” пройдут по всей Украине и закончатся 30 августа во Львове.

В то время, когда боевики ОУН-УПА топчут сапожищами святую землю Крещатика, живы ещё люди – свидетели чёрных злодеяний бандеровцев, которые рубили топорами не только взрослых, а и детей, сжигали живьём, вырезали на живых людях полосы и звёзды, уничтожали целые семьи только за то, что они были в колхозах или в комсомоле. Не щадили и земляков, исполняя наказания своих идейных вождей:

“В период замешательства и хаоса можно позволить себе ликвидировать польские, московские и еврейские элементы: руководителей – уничтожать, евреев – изолировать, вышвыривать из учреждений; НАША ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ СТРАШНОЙ!”

(Степан Бандера. Инструкция “Борьба и деятельность ОУН во время войны”);

“Украинская повстанческая армия должна действовать так, чтобы все, кто признал Советскую власть, были уничтожены. Я повторяю: не запугивать, а уничтожать! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пускай из 40 миллионов украинского населения останется половина – ничего ужасного в этом нет...”

(Из “Инструкции” главнокомандующего УПА Тараса Чупринки, он же – Роман Шухевич, капитан СС, август 1944 года)”.

Да, такое не могло присниться Александру Сергеевичу в самом страшном сне. Ведь всё-таки, как ни крути, а у нас “всё от Пушкина”. Недаром мы с Мыколой Петренко так часто спорили о нём. “Пушкин – наше всё”. И даже памятник великому Мицкевичу, которым я любовался, гуляя по Львову, всегда вызывал в моей памяти строки:

*Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...*

Лишь много позже я понял глубинный смысл и пророческие откровения этого пушкинского стихотворения, посвящённого Мицкевичу.

Когда мы, русские поэты, были оглушены криками, буйством, демагогией, воцарившейся на площадях Тбилиси и Еревана, Кишинёва и Киева, Минска и Вильнюса в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, где вроде бы советские до мозга костей поэты Бозор Собир и Рыгор Бородулин, Юстинас Марцинкявичус и Грегоре Виеру, Дмитро Павлычко и Иван Драч с пеной на губах требовали разрушения “империи”, я понял: Пушкин как бы предвидел всё, поскольку так закончил свой отрывок об историческом типе такого поэта.

*...Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта.
Знакомый голос!.. Боже! осыпая
В нём сердце правдою Твоей и миром,
И возврати ему...*

И это о великом Мицкевиче! Что уж говорить о наших современниках – невеликих, слабодушных, услужливых, переменчивых!

Но, конечно, Микола Петренко, угнанный в шестнадцать лет со Львовщины на каторжные работы в Германию, брошенный за попытку бегства в концлагерь “Штокбах”, восстанавливавший после войны разрушенный Донбасс, никогда не вышел бы на майдан рядом с поклонниками Бандеры и Шухевича: он знал цену фашизму, когда писал о судьбе своей сестры:

*Над рушником, как кровь, горит калина,
Под красной гроздью — дорогой портрет.
Моя сестра — сама как та калина —
Украсила калиною портрет.
Девичий дар других даров похвальней,
Красна краса девичья без прикрас...
Моя сестра сгорела в Бухенвальде —
Из-под калины хмурится Тарас.*

Это мой перевод стихотворения Микола.

* * *

Воистину нам не дано предугадать, как слово наше отзовется... Осенью 2014 года я вновь получил письмо от той же самой Галины Петровны Савченко, которая в 1992 году написала мне из Киева о вспыхнувшем на Украине культе Шухевича и Бандеры. Я никогда не забывал её страшного письма 90-х годов и с тревогой вскрыл конверт из Киева, охваченного очередной и на этот раз кровавой смутой:

“Дорогой Станислав Юрьевич, с подачи сионистской хунты, управляемой из Вашингтона, необандеровцы захватили-таки власть на Украине: их реабилитировали, им назначили пенсии. И они распоясались...

Ещё в 45-м, в Нюрнберге, львовский коммунист Ярослав Галан, рассказывая корреспонденту “Правды” Борису Полевому о страшной судьбе закар-

патского епископа Феофана, зверски замученного агрессивными националистами, предостерег: “Теперь эту сволочь подкармливают, снабжают деньгами и вооружают американцы”. И сегодня именно США вооружили и направили этих русофобских отморожков, наколотых наркотой, чинить кровавую расправу над русскими в Новороссии. Янки знают, на кого опереться на Украине в борьбе с Россией.

Настоящие окаянные дни обрушились на Украину! Мы вымираем: в 1991 году нас было 52 миллиона, сегодня – 42.

В своём очерке, посвящённом 800-летию Москвы, Ярослав Галан сказал: “Тридцать лет назад человечество раскололось на два лагеря: на тех, кто любит Москву, и на тех, кто её ненавидит”. Последних в разы больше: **нам, русским, живущим на Украине, а сердцем в России**, очень хорошо видно издалека, “кто есть кто” в России, и подлое отношение к ней в мире.

Но! На фоне трагедии России сама власть России не прекращает “бодать” советское прошлое. И как же **бессовестно** выглядит это, ведь именно при этой власти Россия разучилась спутники запускать и пропустила врага к порогу, оказавшись в кольце американских баз. Более того, сегодняшняя власть России чудовищную империалистическую бойню 1914–1918 годов уравнила с Великой Отечественной. В первой мировой победа не была украдена у России “...теми, кто призывает к поражению своего Отечества, своей армии (В. Путин)”. Позиция большевиков была глубоко патриотичной: “Долой войну! Война войне!” И ратификация Брестского мирного договора позволила большевикам удержать власть, получить короткую мирную передышку, а Ленину – укрепить своё влияние в стране.

Мы, советские офицеры Украины, сыты по горло пандемией героизации пособников фашистов Бандеры и Шухевича! Только коммунисты Украины выступают сегодня за союз с Россией, за присоединение Украины к Таможенному Союзу, но, к сожалению, несоветская Россия даже не смотрит в нашу сторону.

С уважением

Галина Савченко, лейтенант Советской армии, Киев, 08.10.2014”.

К письму были приложены фотопортреты и краткие родословные главных персон украинской политической сцены – Порошенко, Яценюка, Яроша, Коломойского, Тягнибока, Тимошенко с доказательствами того, что не такие уж они “щирые” и стопроцентные “украины”, поскольку настоящая фамилия одного из них Авдим а Рош, а у другого дедушка – Кацнельсон, у третьего отец – Вальцман, кто-то является потомком древнего хасидского рода Бакаи, а Тягнибок вообще не Тягнибок, а Фротман. Честнее всех на этом хасидском местечковом фоне выглядел Беня Коломойской, якобы причастный к созданию в Днепрпетровске крупнейшего в мире центра “Менора”, принадлежащего секте хабадников, о которых украинский историк Э. Ходос в книге “Выбор между Спасителем и Антихристом” (Харьков, 2005. С. 5) пишет: “Их девиз таков: евреи превыше всего, а Хабад превыше евреев”.

Всё это не столь удивительно, если вспомнить, что в гитлеровском нацистском истеблишменте чистокровным арийцем был разве что один Геринг.

Интересен комментарий газеты “Завтра” (2015, № 15, статья А. Маслова “Хазарский синдром”), в котором автор, говоря о донбасской войне, считает, что “Одно слово главного раввина России Берла Лазара могло изменить ситуацию (...) хотя бы потому, что Игорь Коломойский и многие другие влиятельные для Украины фигуры являются его единоверцами – хасидами”. В этой же статье автор, вспоминая ближайших соратников Коломойского Геннадия Корбана и Бориса Филатова, иронизирует: “те ещё “украинцы”, кстати!” А газета “Русский вестник” (№ 12, 2014) в статье майора ГРУ в отставке К. Ипатова сообщает читателям: “6 мая 2014 года в медиа-проекте “Киев европейский” заместитель главы Днепрпетровска Б. Филатов сделал сенсационное признание: “Что делать с теми, кто искренне желает смерти моей стране? С феерическими русскими идиотами, искренне не понимающими, почему мы готовы их убивать? С подлыми российскими журналистами, которых и людьми назвать-то язык не поворачивается? Со всем этим сонмом нечисти? Завтра будет новый день и взойдёт Солнце. А что будет делать вся эта нечисть? А мы должны будем строить Новую Страну. “Город на Холме”, Новый Сион. Землю Обетованную...”

И после этого лживые “летописцы эпохи” до сих пор твердят, что, благодаря Ельцину и Гайдару, распад Советского Союза был бескровным! Мало им крови, пролитой в Карабахе, в Чечне, в Таджикистане, Приднестровье, в Киргизии, в Абхазии, в Южной Осетии... А теперь к потокам той крови прибавилась кровь, пролитая на Украине... С задержкой чуть ли не на четверть века, но всё-таки она пролилась...

* * *

Украинская нитка плотно вплетена в полотно моей судьбы.

Пятый класс я закончил в городе Конотопе, куда из Калуги в 1945 году была переведена моя матушка заведовать железнодорожной больницей.

Как сейчас помню, что наша классная руководительница Дарья Никифорова, недовольная моими двойками по украинскому языку и украинской литературе (это были отдельные предметы!), сурово сказала мне на чисто русском языке:

— Я переведу тебя в шестой класс при одном условии: если ты выучишь наизусть и прочитаешь мне по-украински стихотворенье Павло Тычины “На майдане коло церкви революция иде” и басню Леонида Глибова “Вовк та ягня”. — Я выполнил приказание Дарьи Никифоровны и на всю жизнь запомнил, что такое “майдан” и что такое “право сильного”, и концовка глибовской басни замечательна (пишу по памяти):

*“Ще огрызається, щеня!
Що ты за птиця? — Ты ягня!
Як сміло ты мене пытати?
Я, може, исти захотив,
не вам про тее дурням знати...”
І вовк ягнятко задавив.*

Думаю, что этот “волчий закон жизни” знают все нынешние персонажи украинской драмы — от Сашко Білого до Бени Коломойского.

А может быть, потому что я и жил и много раз бывал на Украине, в мои стихи всё время залетали какие-то “украинизмы”: “всех звончее из нас запевал некто Витя, приверженный к зелью, всё о том, что “покинул бы землю”, всё о том, как бы в “небо злітав”; “но рідна мать сыра земля не засыпала даже ночью”; “в ночи взревел четвёртый блок”, “и я достигнул рубежа, как тот князь Игорь перед Доном” и т. д.

... В 60-е годы мы часто приезжали в Коктебель с нашим маленьким сыном. В доме Волошина радушная его вдова Мария Степановна под строжайшим запретом — чтобы я никому ни слова! — давала мне переписывать стихи Макса, в том числе и знаменитые “Дом поэта”, “Стихи о Красном терроре”, о прошлой России, которую русская интеллигенция “пролузгала”, и “проплевала”, как семечки. До сих пор у меня хранятся пожелтевшие листочки с этими стихами, тщательно переписанные мною на письменном столе Волошина, с гудящими утробами морских раковин, разложенных в полутёмной комнате, наполненной сухим ароматом извести и киммерийских трав, под строгим взором древнеегипетской богини Таиах, чей бюст, вырезанный из какого-то драгоценного коричневого африканского дерева, стоял передо мной в овальной настенной нише, глядя на меня выпуклыми глазами...

Так случилось, что и русская девушка, на которой я женился в годы студенчества, оказалась с украинским прошлым: училась, начиная с 1944 года, в Киеве, где видела своими глазами, как на разбитом Крещатике советская власть возводила виселицы, чтобы вешать немецких гауляйтеров и местных коллаборационистов. После Киева её семья переехала в Запорожье. Училась она хорошо, украинский язык знала прилично и в шестидесятых годах перевела на русский язык прозу украинских писателей: Дмитро Кешели, Василя Бассараба, Антоненко-Давидовича. Книги их вышли в Москве, после чего мы были приглашены нашими новыми друзьями в гости... Мы сели в недавно приобретённый нами “жигулёнок” и помчались на Запад — через всю Украину, через Харьков, Киев, Чернигов, Львов, через Карпаты — в Ужгород, в сказочное Закарпатье. Везде нас принимали радушно, нигде мы не чувствовали

себя ни “москалями”, ни “оккупантами” — ни в городах, ни в горных сёлах, ни в карпатских гостиницах и турбазах, открывавших нам свои двери в любое время нашего долгого, утомительного, но прекрасного путешествия. А во время пребывания в Ужгороде — центре венгерской общины — я познакомился с поэтом Вильмошем Ковачем, автором нескольких книг стихов и прозы, изданных на венгерском языке в советской Украине. Венгров в Ужгородской области было всего-то сто с лишним тысяч, однако коль появился у них свой поэт, то и книги его должны быть изданы здесь, на родине. Таковы были правила советской жизни. Более того. Вскоре книга его стихотворений была издана и в Москве, в том числе с моими переводами.

А сейчас бегут венгры из своего Ужгорода, из Закарпатья в близкую и родную Венгрию, бегут из ставшей для них чужой мачехой Украины, бегут, не желая подчиняться порошковской мобилизации.

Несколько десятков тысяч мужчин, имеющих венгерский паспорт, пересеки границу и никогда уже не вернутся на Украину.

... Я нашёл на своих книжных полках московский сборник Ковача “Весенняя буря”, перечитал его и понял, что этот потомок мадьяров был умнее многих нынешних не только потомков “укров”, но и европейских интеллектуалов, когда писал:

*Европа, слышишь, Европа! Покуда твои глаза
на тело Христа глядели, молились на образа,
кто-то на стенах церкви, под звучный её хорал,
свастику, кости и череп, поплёвывая, малевал.
Воспоминания... свастика... следы штыка на стене...
Кто вы? Чего хотите? Зачем являетесь мне?*

Не потому ли нынешние венгры отстраняются от объединённой Европы, что знают цену этому объединению?

Жив ли сейчас Вильмош, человек 1927 года рождения, у которого полвека тому назад мы были в гостях? Но лучше ему не знать, что на Луганщине и на Донетчине ополченцы, отбивая у киевских карателей свои посёлки и сёла, не раз находили в их блиндажах и землянках флаги красного полотна с белым кругом, в центре которого, как паук, располагалась чёрная свастика.

Находясь в Ужгороде и общаясь с венграми, мадьярами или “уграми”, как называются они в галицко-волынской летописи XIII века, я внимательно читал по вечерам в ужгородской гостинице эту летопись и выписывал имена племён, живших в те баснословные времена на просторах Юго-Западной Украины и в Закарпатье. Много раз в летописи упоминаются “ляхи”, “поляне”, “половцы”, “ятваги”, “русские”, “чехи”, “прусы”, “жмудь”, “литва” и другие племена. Очень часто, чуть ли не на каждой странице, встречаются “угры”, но никаких “укров” нет и в помине. Может быть, современные бандеровские брехуны перепутали “угров” с “украинами”? Или просто смошенничали, изменив в слове всего лишь одну букву...

Обратная дорога из земли “угров” запомнилась мне головокружительными горными поворотами, гигантскими елями — смереками, — окаймлявшими хребты Закарпатья, чистейшими потоками, сбегаящими с гор к прозрачной Тиссе, на перекатах которой стояли, закатав штаны выше колен, местные хлопцы и, работая острогами, выхватывали из-под гладких обкатанных камней сверкающих на солнце форелей.

А ещё на обратной дороге мы остановились в Чернигове, который запомнился мне своими белокаменными храмами домонгольской архитектуры. На приступочках одного из них — Спасо-Преображенского собора, возведённого в 1036 году, — горели свечи, зажжённые в честь Троицы женщинами в чёрных одеждах.

В том же Чернигове местные писатели устроили нам радушный приём, который эхом отозвался через 30 лет в телеграмме, полученной мною от черниговской писательской дружины в 2002 году, в дни моего 70-летия. “Москва, генеральному писарю “Нашего современника” Казинцеву О. I. (для кошового атамана Куняева С. Ю.)

*Станіславу Юрійовичу найого 70-літія!
Матері свої сину.
Великому слов'янину —*

13 чернігово святого
До Москви – столиці
З Богом
Посилаєм віну славу –
Куняєву Станіславу!
Хай живе на радість нам!
На погибель ворогам!

Від імені чернігівців Дмитро Иванов,
P. S. Будьмо! Не забудьмо, що ми брати!”

Где сейчас мои родные “письменники-черниговцы”? Нужны ли они своей неньке Украине? Молятся ли их жёны и матери в чёрном на белокаменных ступенях храма, где горят свечи? Помнят ли они свои слова: “Не забудьмо, що мы брати!”? Где мой черниговский брат с русской фамилией Иванов?

Боже мой! Какие бури пронеслись над нашими головами, “чему, чему свидетели мы были”, – как написал Александр Пушкин, когда-то навещавший то ли из Одессы, то ли из Кишинёва своих друзей, молодых декабристов “Южного общества”, квартировавших в Чернигове.

* * *

Осенью 2006 года я побывал в Минске на съезде писателей Беларуси, и в прощальном дружеском застолье познакомился с известным украинским писателем Александром Сизоненко, блистательно выступившим на белорусском съезде. Мы с первых слов, после первой чарки почувствовали расположение друг к другу, а расставались на другой день вообще как старые друзья, которым есть что вспомнить. Вскоре я получил от него первое письмо, с которого и началась наша переписка.

“Конча-Озёрна, 31 декабря 2006 года

Дорогой Станислав Юрьевич!

Рад нашей встрече в Минске! Равно и глубоко уважаю Вас, как поэта. Не меньше люблю и уважаю, как редактора “Нашего современника” – стойкого и бескомпромиссного борца со всякой либерально-сионистской, русофобской сволочью!

Они ведь как с цепи сорвались во времена перестройки, особенно в 90-91 годах. А я всё время был с “Нашим современником”, за то и вывели меня мои “друзья”, перекрасившиеся в “руховцев”, и из Правления, и из Президиума Союза писателей Украины. Мы тут в Конче живём рядом: Драч – в 17-й, Павлычко – в 18-й, я – в 19-й даче. Ну, а они были главными “заводилами” – основателями “Руха”. Знали, что я выписываю из Москвы и “Советскую Россию” и “Наш современник”. А “Рух” создавался на платформе ненависти к России и Советскому Союзу, к Славянскому братству. Впрочем, Вы это знаете и без меня. Об этом свидетельствует и 10-й номер “Нашего современника”, подаренный мне Вами сразу же после моего выступления на съезде писателей Беларуси. Я это воспринял как награду за моё выступление и горжусь этим. Так же, как и Вашей книгой “Шляхта и мы”, подаренной мне Вами, как только я сошёл с трибуны. Огромное Вам спасибо! Дай Бог Вам здоровья, стойкости, творческого процветания, силы в отстаивании русской культуры и литературы.

Со страстным интересом прочитал Ваше исследование русско-польских отношений.

До сих пор наслаждаюсь Вашей книгой и юбилейным журналом! Как ярко Вы написали о Пушкине и его “Современнике”! Какая духовная высота, какая глубина мышления, какое художественное изящество! Радостно на душе, что есть Вы и Ваши единомышленники!

А “снаряды” падают всё ближе и ближе. Викулова видел в марте на 75-летию Ф. Кузнецова в ЦДЛ, а в июле его не стало. Умер мой любимый Володя Солоухин, умерли Янка Брыль, Иван Чигринов – автор удивительного романа “Плач перепёлки”. Не стало Ивана Мележа. Это были очень близкие и дорогие для меня люди – товарищи и по жизни, и по литературе. И погибли они вместе с великой нашей страной, нашей Родиной – Советским Союзом.

В этом было что-то астральное. Я уверен: взаимосвязь здесь присутствовала! Я и сам умирал, начиная с 1986 года, так как не столько сознавал, сколько чувствовал, к чему затеяна “перестройка” “Горбачёва–Яковлева”. Теперь все ждут, что я вытру сапоги о знамёна, под которыми жил, воевал, был убит в Берлине 28 апреля 1945 года в ближнем бою на Фридрихштрассе, но почему-то выжил, пришёл в себя 9 мая под шатром медсанбата. Не дождутся недруги ни моего отречения от СССР, ни от России! Обнимаю Вас! Ал. Сизоненко.

Р. С. 6 января 2007 г. Сочельник. Наслаждаюсь “Анной Карениной”. А на подоконнике – Ваша книга “Шляхта и мы” и юбилейный “Наш современник”, и я снова роскошествую – живу в русской духовности, в русской литературе, как прежде, ибо сейчас на Украине, особенно в Союзе писателей, творится чёрт знает что: жменька детей и внуков недобитых фашистских наймитов из Галичины оккупировали СМИ, радио, телевидение, журналы и “Литературную Украину”, сеют и посевают ненависть к России, к великой русской литературе, и некому их унять или хотя бы вразумить. Меня считают чуть ли не изгоем, “агентом Москвы”, “комунякой”, “отщепенцем” – только за то, что открыто выступаю против русофобии, антисоветчины, защищаю братство наших литератур и народов. Не представляю своей жизни в отрыве от Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Тютчева, Чехова, Бунина, Шолохова, Твардовского, Бондарева, Белова, Распутина, Евгения Носова.

К сожалению, мало знаю Вадима Кожинова – только по публикациям в “НС” за <19>90–<19>91 годы. Если сможете, вышлите его главную книгу. Да и свою не забудьте!

Вот только что прочёл, как Стива Облонский приезжает из Петербурга в деревню к Левину и они идут “на тягу” – стрелять вальдшнепов. Какое чудо!!! Какая весна! Каков вечер! И поскольку я сам страстный охотник, не могу не любоваться этими страницами Толстого.

Вспомнил “Стрельбу влёт” Хемингуэя, где он пишет, что отдал бы миллион долларов за то, чтобы ещё раз впервые прочесть “Войну и мир”, “Анну Каренину”, “Братьев Карамазовых” – всё из русской литературы.

“Ну, значит, – читаем в “Зелёных холмах Африки”, – мэм-саиб с оруженосцами улеглись в тени деревьев после обеда, а я налил себе ещё виски с содовой, бросил в бокал три кусочка льда, вынул из рюкзака маленькую и очень зачитанную книжечку – “Казачки” называется – и стал уже в который раз перечитывать её. И я опять переправлялся вместе с татарами через реку, пил водку с пьяницей Ерошкой, любовался стройными ногами смуглой казачки. Я знал, каким там бывает лес в разные времена года, какие идут дожди, какие цветут цветы – я опять был в России.

Потому что там, где бываем мы, непременно побываєте и вы, если только Бог не обделил нас талантом, и мы научились писать настоящую простую и честную прозу, без никакого шарлатанства”.

Вот Вам, Станислав Юрьевич, и образец рецензии. Да ещё какой! Цитирую по памяти, ибо никогда не забываю. Люблю Хемингуэя больше всех писателей Запада. Вероятно, за то, что он сказал Эзре Паунду в ответ на его пренебрежительное: “Бросьте носиться с этими русскими, Хемингуэй! Читайте французоз – они Вас научат изящности стиля”. – “Я могу учиться и учусь у кого угодно, – отвечал оборванный, бедный, как церковная мышь, Хемингуэй, – но сначала буду учиться у русских, а потом у всех остальных!” – и ушёл от богача и развратника без сантима в кармане, хоть и намеревался попросить у него денег.

Вы, вероятно, знаете это без меня. Но настал черёд повторять то, что говорили и писали о нас выдающиеся писатели Запада. Не так ли? В ответ доморощенным злопыхателям и зарубежным хулителям России. Беда-а-а-а!

Пора остановиться. А я не могу: такое родственное чувство охватывает при воспоминании о Вашей реакции на моё выступление, о Вашем порыве, выразившемся в щедрых дарах. И это от Самого Несгибаемого в борьбе с врагами России Станислав Куняева!

Спасибо! Ал. Сизоненко.

Р. Р. С. Есть у Бунина рассказ “Заря всю ночь”. – Удивительная проза! Вот и у нас в Конче-Озёрной полнолуние всю ночь осыпает серебряной пылью Великий Днепровый Луг, реликтовые сосны, урочища, вековые дубы возле моей веранды. И я не могу уснуть – всё читаю “Анну Каренину”! Что за чудо?!

Особенно ошеломляют четырёхвёрстные скачки, в которых гибнет прелестная Фру-Фру от одного неосторожного движения Вронского, сломавшего ей хребет перед последним препятствием. В этой сцене боги водили рукой Толстого. Какая глубина, какое изящество! Не читаешься. Ал. Сизоненко”.

К письму была приложена фотография автора – в красной рубашке, со взглядом слегка опущенным, глядящим в себя. На обороте фотографии стояла надпись: **“Станиславу Куняеву на память о Минске, где мы были счастливы поздним братанием! Ал. Сизоненко”**.

Он отвоевал всю войну, дошёл до Берлина, но 28 апреля 1945 года был ранен столь тяжело, что пришёл в себя лишь 9 мая 1945 года, в первый День Победы. Я был **“почти убитый”**, вспоминал он. **“Не побывай Вы там, в смерти, – писал ему в письме Валентин Распутин, – не были бы, наверное, при всех природных данных и такой крепости, исполнены всем, что украшает человека: и мужество, и точность глаза вместе с точностью мысли”**.

Письмо Валентина Распутина солдат и писатель Сизоненко получил как награду в 2009 году, к своему 85-летию, когда его, автора романа о николаевских корабелях, трилогии “Советский солдат”, сборника блистательной публицистики “Гамбургский счёт”, лауреата многих советских, российских и украинских литературных премий Владимир Путин наградил в Киеве во время открытия дней России на Украине орденом Дружбы. Об этом событии сам Сизоненко вспоминает так:

“Очень огорчит меня, что в выступлениях обоих президентов на открытии Года России в Украине не вспоминаются ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Чехов, ни Достоевский, ни другие гении XIX столетия – “Золотого века” Великой русской литературы... Именно поэтому обращаюсь к Путину, прикреплявшему мне орден Дружбы:

– Владимир Владимирович, позвольте прочесть “Родину” Лермонтова – всего три строфы.

– Пожалуйста, – президент России быстро и крепко возьмёт меня под руку и подведёт к микрофону.

С замирающим сердцем, еле сдерживая волнение, встану перед двумя десятками русских, украинских и зарубежных телекамер, перед награждёнными и представителями обоих правительств, стоящих под знамёнами России и Украины:

*Люблю отчизну я, но странною любовью:
Её не победит рассудок мой.*

За стихи Лермонтова мне аплодировали гораздо сильнее, чем при вручении ордена. Аплодировали даже телеоператоры из-за своих грозных камер на высоких штативах. А президент России, кажется, даже побледнеет – так на него подействуют изумительные эти стихи. Впрочем, это, возможно, только покажется...”

А вот ещё три письма Александра.

*“Где она теперь, Россия?
По какой рубеж – своя?
Ал. Твардовский*

Дорогой друг и брат!

Спасибо за письмо и журналы! Судя по почерку и содержанию, это письмо писалось в адской перетруженности и спешке, которые, очевидно, и составляют смысл и сущность Вашей неугомонной жизнедеятельности. Зато журналы, Станислав Юрьевич, журналы-то! Крик души самой России! Прочёл оба номера, не отрываясь, от корки до корки! Читал днём и ночью – до 3-4 часов утра. Удивила Ваша работа о Холокосте, исследование Вашего сына об удивительных тайнах фольклора, легенд и мифов о мироздании, а также глубочайшая по мысли и ярчайшая по образности поэзия Новеллы Матвеевой! Да, это настоящая, глубинная боль и скорбь о судьбе России, которая и в моей

душе занимает первейшее место, потому что всё самое страшное зло мира направлено, прежде всего, против Неё, против России – эпицентра Православия, евро-арийской культуры и духовности!

Поразила также история с убийством в храме православного священнослужителя, описанная Казинцевым. Это – вызов! Наглый, циничный, рассчитанный на безнаказанность умерщвления России. Ни Медведеву, ни Путину эта “неудобная жертва” не нужна! Им бы своего “учителя” Собчака облагодетельствовать посмертно своим приездом в “Питер” в день его поминаения!

Ещё раз спасибо Вам за журналы – в них бьётся и кровотоцит живое сердце любимой моей России! Великое дело делаете Вы, брат мой Куняев! Да не дрогнет Ваша рука, сердце и совесть в этом благородном деле! Россия, как никогда, нуждается сейчас в защите от чужих, внешних, и от своих, внутренних, врагов. И Вы это делаете блестяще! Может быть, только Вы одни с “Нашим современником” – последовательно, неуклонно! По Твардовскому: “С тропы своей не ступая, не отступая”... Бог Вам в помощь! Обнимаю Вас! Ваш Ал. Сизоненко”.

“Дорогой Станислав!

Спасибо за письмо! Это – праздник для меня. Что письма Бондарева, Распутина, что и твоя весть из Москвы! Всё никак не могу примириться с этой глупостью: что Москва как бы не столица моей Великой Родины?! Погубили её, предали и продали “генсеки”-предатели, международное закулисье, справляющее тризну под названием “Холокост”, пьяницы и дураки ельцины, гайдари, чубайсы, “агенты влияния” из Межрегиональной депутатской группы, а мы оказались безоружными перед этим лукавством и демагогией!

Но кому ж я это пишу? Ты, наверное, в тысячу раз болезненнее и в сто раз глубже потрясён этой вакханалией подлости, бездарности и злого умысла.

Время надежд, брат мой Стас, ещё не наступило! Оно только наметилось в связи с харьковскими договорённостями Медведева и Януковича. А до фанфар ещё очень далеко! Если бы ты знал, какую бучу тут подняли против этих соглашений недобитые бандеровцы, их приспешники и наследники!

“Устали мы с тобой от поражений”, – удивительное умозаключение! Стас Куняев слов на ветер не бросает. Но Валентин Распутин, тепло отозвавшись о моём рассказе, робко выразил отдалённую надежду, что “настанет ли время, когда заговорит твой молодой араб?”

Да я, пожалуй, вышлю тебе ксерокопию его письма – авось разберёшь с Божьей помощью. И ещё кое-что, что тебя, возможно, заинтересует.

Обнимаю тебя по-братски! Твой Александр”.

А вот письмо, свидетельствующее о том, что Сизоненко по советской традиции заботился не только о себе, но и о своих товарищах по перу.

“Дорогой Станислав Юрьевич!

Шлю Вам эти настоящие русские стихи Владимира Пучкова – лауреата литературной премии Н. Н. Ушакова. Давно ушедший старик – лучший и талантливейший из русских поэтов на Украине – оставил меткий, запомнившийся афоризм:

“Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь!”

Живя в захолустном Николаеве, накрытом, словно саваном, еврейским мещеточным волапюком в перемешку с неистребимым хохлацким “суржином” (обратим внимание на то, что это пишет украинский писатель, блестяще владеющий своей “рідной мовой”! – **Ст. К.**), Пучков сохранил в душе и памяти унаследованный от своих исконно-русских интеллигентных родителей удивительно чистый, богатый лексикой и фразеологией, настоящий литературный язык, заповеданный нам Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Блоком и Твардовским.

Прочтите эти стихи – и убедитесь! Вы ведь сами первостепеннейший Поэт, не то что я – густопсовый прозаик, да ещё и украинский.

Однако русским, даже очень талантливым поэтам в бандеровско-ющенковско-нацистской Украине уготовано забвение в атмосфере, насаждаемой “вышшими сферами” русофобии! Поэтому хорошо было бы обнародовать стихи в высшей степени одарённого русского поэта в Вашем патриотическом журнале!

С глубоким уважением и благодарностью за сердечную встречу в Минске на съезде писателей Белорусии!

Звоните, буду рад и счастлив в своём одиночестве – 7-й год без любимой жены. А. С.

Конча-Озерна, 16 января 2010 года. Ваш друг и брат, Ал. Сизоненко”.

С опозданием на несколько лет я выполнил просьбу моего старшего друга, которому позвонил в его Конча-Озёрну 10 марта 2015 года. Позвонил с трепетом: жив ли он в проклятое время, когда на его Украину воротилась коричневая чума, которую он добивал в Берлине?

– Станислав! Ты?! – раздался в телефонной трубке его хриплый, но крепкий голос. – Александр! – закричал я в ответ.

О чём мы говорили, перебивая друг друга, вспомнить от волнения не могу... Помню только, что успел, слава Богу, поздравить его с наступлением Года Победы и передать ему поклон от Распутина, который ещё был жив.

А теперь – по его просьбе – печатаю стихи Владимира Пучкова, о таких же героях Великой войны, каким является сам Александр Сизоненко, стихи, которые он прислал мне пять лет тому назад и которые не могут обветшать, как и память о героях.

БАЛЛАДА О 68-МИ

Героям николаевского десанта

*Как дышится чисто в марте! В тумане сады висят...
Но красной стрелой на карте означен твой путь, десант:
Поверх оврагов, излучин реки, погружённой в сон...
Размеренный скрип уключин в машину войны включён.
При свете луны досадном лижет кристаллики льда
Разбуженная десантом мартовская вода,
В порту затаились доты, уже недалёк рассвет...
— Всё, отпускайте боты — обратной дороги нет...*

.....

*На них небосвод свалился, вздымалась вода горой —
два дня и две ночи длился десанта крошечный бой.
Стук спаренных пулемётов — испариною на лбах!..
Встаёт морская пехота с ленточками в зубах:
— В атаку! — в смертельном вихре рванулись за рядом ряд...
Уходит навстречу смерти и прямо в вечность отряд...*

*Потом победные марши ударили в небосвод,
И принял первые баржи спасённый десантом порт.
Печатая шаг по брусчатке и щурясь на солнце вдали,
В бинтах, будто в белых перчатках, матросы по городу шли.*

.....

*Я мальчишкой за ними ринусь: опоздал я, но, чёрт возьми,
я один из десанта, из шестидесяти восьми!
Я вытягивался в струнку, я шептал тишине ночной:
“Трубочом, салажонком, юнгой — вы возьмите меня с собой!
Бескозыркою наградите — выше нет пацану наград...”
Розы алые на граните. Отвоеванный город-сад.*

ПОСЛЕДНИЙ ДЕСАНТНИК

*Он у подножия затих с ненужными цветами.
Он каждый день — среди живых, лишь в этот день он с вами.
Ведёт безмолвный разговор с плитой гранитной строгой.
Уймись, зеркальный фотокор, хоть здесь его не трогай!*

*Он опускает долу взгляд — и видит вас, ребята,
он знает: он не виноват, что уцелел когда-то.
Когда надсаживалась грудь, принять удар готовясь,
он не пытался обмануть ни вас, ни смерть, ни совесть.
Тяжёлым был ваш звёздный час — не высказать словами!
Один остался среди нас, но в этот день он с вами.
Стоит, молчание храня, в глазах блеснёт украдкой
то отблеск Вечного огня, то милость жизни краткой.*

Прочитав такое, действительно хочется сказать:

— Героям слава!

* * *

Перечитывая украинские письма, пытаюсь вспомнить, сколько раз я бывал в Киеве, когда и с кем любовался Киевской Софией, вглядывался в Оранту — Нерушимую стену, вчитывался в древнерусские священные тексты, выложенные золотой смальтой на стенах Владимирского Собора, расписанного Васнецовым, прикладывался к Лику Богородицы, сотворённому его рукою. А как не вспомнить постепенное погружение в полутьму, в прохладу подземелий Киево-Печерской лавры, где тускло мерцают свечи, освещающие каменные стены и потолки, вырубленные в днепровском известняке руками нескольких поколений монастырской братии.

Сколько раз я бывал в Киеве в советское время — не помню, не было нужды запоминать, ездил, как в родную Калугу. Разве что врезался в память 1990 год, когда редакция “Нашего современника” приехала в Киев и когда на наших вечерах с публикой нам пришлось выдержать немало тяжёлых мировоззренческих схваток и с демократами — сторонниками Виталия Коротича, тогда уже командовавшего всесоюзным журналом “Огонёк”, — и с мгновенно возникшими на идеологической сцене националистами-руховцами, возглавляемыми недавними “радянскими письменниками” Павлычко, Драчом, Яворивским, Мовчаном. Одно было утешение — встречи и разговоры с Борисом Олейником, вскоре написавшим тогда своё убийственное сочинение “Князь тьмы”, на обложке которого был портрет Горбачёва с дьявольской печатью на лбу.

После этого визита я побывал в Киеве, по-моему, лишь один раз, в 2008 году, в составе делегации писателей, актёров, историков, политологов. Вот тогда и выступил на секции историков с коротким докладом об отношениях Польши и Украины, исследованных мною в книге “Шляхта и мы”... Этот разговор был необходим в Киеве, потому что шляхта много раз за тысячелетнюю историю захватывала этот город, потому что украинцы для них были “быдлом”, потому что их любимая поговорка “пся крев” применялась ими только в разговорах о восточных соседях, потому что “всходни кресы” всегда были “землёй обетованной” для всех болеславов храбрых, для всех самозванцев, мечтавших о московском троне, для всех чарторыйских и пилсудских. Не понимаю, почему, зная всё это, сегодняшняя украинская элита опять рабелепствует перед шляхтой?!

Когда-то в молодости я мечтал написать книгу о том, что характер русского человека в основе своей сложился на степном юге в эпоху Киевской Руси, в эпоху Святогора и Соловья Разбойника, в эпоху Волги и Микуды, в эпоху вешего Олега и Святослава, благородно предупреджавшего врагов “Иду на вы!” Да что говорить! Великая древнерусская литература начиналась с “Повести временных лет”, которую писал в Киево-Печерской обители легендарный Нестор-летописец. А продолжилась она “Словом о Законе и Благодати” опять же киевского митрополита Илариона, укрепилась “Поучением Владимира Мономаха”, а чтобы вознестись на мировую вершину — увенчалась “Словом о полку Игореве”, излучающим дыханье степей и рек нынешней Новороссии.

Эту неразрывную связь, как никто другой, понимал Александр Пушкин, когда писал “Полтаву” и создавал образ Пимена-летописца, когда в стихотворной оде “Бородинская годовщина” пророчески (словно заглядывая в наше время!) обращался к европейцам — “легкоязычным витиям”, — требовавшим отдать все тогдашние малороссийские земли восставшей в 1831 году Польше:

*Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем — наследие Богдана?*

.....
*Наш Киев, дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?*

В этих пушкинских “нетолерантных” вопросах речь идёт о том, что Речь Посполита всегда жаждала с помощью тогдашней “объединённой Европы” восстановить границу с Россией по Днепру, там, где она проходила до Андрусовского мира 1667 года, то есть с поглощением шляхетской утробой “златоглавого Киева”. Что, кстати, было осуществлено шляхтой в 1920-м, в мае которого она вошла в Киев, но владела “пращуром русских городов” всего лишь три месяца: в июле её вышибла из древнерусской “святыни” будённовская конница. Памятуя об этой польско-украинской распре, я подарил в 2009 году на прощанье украинскому историку и археологу с европейским именем академику Петру Толочко, который руководил нашей конференцией, книгу “Шляхта и мы”, и вскоре получил от него письмо.

“Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за книгу “Шляхта и мы”, которая (как и одноименная статья в “Нашем современнике”), не была мной замечена раньше. Прочитал её внимательно и совершенно не могу предъявить Вам упреков, которые, оказывается, обрушили на Вас польские историки и писатели, а также некоторые наши (может, и не совсем наши) читатели. Ещё до ознакомления с поэтически-беллетристическим приложением я утвердился в мысли, что имею дело не просто с эмоциональным криком души русской, но с полноценным историческим исследованием, где всё поддержано цитатами и ссылками на труды предшественников. В процессе чтения мне казалось, что они даже избыточны, но, судя по реакции “заинтересованных” читателей, Вы поступили совершенно правильно.

История русско-польских, как и украинско-польских отношений непроста, можно сказать, драматична. Не берусь взвесить, чьей вины в этом длительном, нередка кровавом противостоянии больше, но совершенно убежден, что ни польская нация в целом, ни её интеллектуалы не могут рассматривать его жертвой только себя. Действительно, были разделы Речи Посполитой и включения Польши в состав Российской империи, со всеми вытекающими из этого последствиями. Действительно, после Второй мировой войны Польша без радости терпела своё сателлитное положение под верховенством Советского Союза. Но ведь было и другое, о чём Вы совершенно правильно пишете в своей книге. Была польская оккупация Киева (первая – в 1069 г<оду>), Москвы, походы на Россию армий Понятовского, и на украинских и белорусских землях была Брестская уния и католическое засилье, изменившее православную духовную идентичность значительной части восточнославянского населения.

Я не принадлежу к любителям беречь старые раны. Народы не должны строить свои взаимоотношения исключительно на злопамятстве. Были ведь и светлые страницы в их взаимоотношениях. Но, к сожалению, так думают не все. И, прежде всего, так не думают польские интеллектуалы, требующие только от нас покаяния за содеянные (и не содеянные) нами грехи и не собирающиеся каяться за свои. Или покаяние – это удел только холопов, а паны всегда правы? К сожалению, от этого комплекса, вошедшего в поведенческий стереотип польской нации во времена её многовекового господства над восточными славянами, она никак не может избавиться до сих пор. Нет-нет, да и прорываются ностальгические воспоминания о польском городе Львове или о восточных кресах Польши, которые исторически никогда ей не принадлежали.

Как-то на дружеском обеде, подводившем итог международной научной конференции историков, мне довелось услышать здравницу польского коллеги в честь Киева. Заканчивалась она словами: “Мне тем более приятно поднять

бокал за этот замечательный город, поскольку когда-то он был и польским". Последнее было произнесено с определённой долей шутливой игривости, побудившей меня продолжить её в ответном тосте. Я предложил выпить за прекрасную страну Польшу, которая когда-то была частью Российской империи. Это было в 1979 г<оду> в г<ороде> Магдебурге.

Я вспомнил об этом давнем эпизоде, поскольку подумалось, что и Вы, уважаемый Станислав Юрьевич, оказались в аналогичном (моему) положении. Только "тост" Ваш неизмеримо более обстоятельный. И не увидел я в нём какого-то "полонофобства", неуважения к Польше, её истории и народу. Мысль вполне здравая и паритетная: "Не судите, да не судимы будете", – сказано в Священном Писании. Польша вовсе не безгрешна перед историей, а поэтому не имеет морального права на осуждение других. Требовать от России какого-то "расчёта с историей", как это говорится в заметке польского историка Анджея Новака, можно только тогда, когда такой "расчёт" произойдёт в Польше. Но ведь ничего подобного там не случилось. Наоборот, слышатся призывы бороться за память, которая имеет политическую цену. Но в таком случае, непонятно, почему такое неприятие вызывают аналогичные действия со стороны русских интеллектуалов. Они ведь тоже борются за память, которая также имеет политическую цену.

Чрезвычайно интересными представляются Ваши рассуждения о катынской трагедии. До них, до поставленных Вами естественных вопросов, я не сомневался в том, что это дело рук наших энкаведешников. Теперь такие сомнения у меня появились, Ваши вопросы требуют ответа. И пока его не дадут компетентные специалисты с документальным обоснованием, с проклятиями в сторону России полякам следовало бы подождать.

Несколько выпадает из темы "Шляхта и мы" сюжет "шляхта и евреи", рассказывающий о трагической судьбе евреев городка Едвабне. Разумеется, он усиливает впечатление о безгрешности польской шляхты перед другими народами, но прямого отношения к польско-русским или польско-украинским взаимоотношениям не имеет. И без него видно, сколь непростыми они были в продолжение истории.

В целом, книга производит впечатление серьёзного исследования. Она не столько оценочная, сколько фактологическая. Читатели могут не принять ту или иную Вашу, Станислав Юрьевич, сентенцию, но не смогут опровергнуть изложенные факты.

А факты, как известно, вещь упрямая.

С уважением,
П. П. Толочко".

* * *

Украина сейчас переживает такое коварное время, что я постоянно думаю: а не подставляю ли я под репрессии нынешнего киевского режима моих украинских друзей, цитируя их письма? Ведь многие из них откровенно и честно пишут мне о преступлениях новой украинской власти, о разгуле бандеровщины в стране, о своих надеждах на Россию...

Потому, печатая письма из Харькова, я не стану открывать имя моей корреспондентки. Скажу только, что многие слова этих писем звучат для меня как эхо тех благословенных времён, когда мы жили в одной стране, под одним небом, дышали одним воздухом. А ещё добавлю, что верю всему, что моя единомышленница пишет о сегодняшних "окаенных" днях своей любимой харьковщины.

"Дорогой Станислав Юрьевич!

07. 12. 2007 г.

Полгода прошло со времени Дней литературы в Белгороде – не так много. Надеюсь, вы меня помните. Много лет лежали у меня записи воспоминаний моих, уже покойных родителей. Я мечтала написать на их основе полноценный художественный роман. Когда-то (сейчас точно не вспомню – конец 80-х или начало 90-х?) мы с мужем впервые в журнале "Наш современник" роман Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) "Побеждённые": огромное впечатление он произвёл! Я представляла, что смогу написать нечто

подобное. Нет, я не заблуждалась: ни по художественной силе, ни по объёму исторического пласта я такого не достигну. И всё же история, которую я хотела рассказать — это тоже история моей матери, чья молодость совпала со сложными, переломными годами в жизни страны... Но почему-то я никак не могла заставить себя начать писать — не получалось. И поняла: выдуманные истории писать легко, а реально прожитую жизнь трудно переложить на художественную прозу — во всяком случае, для меня. Там иные законы. И я решила написать так, как написала, — то, что определила, как “роман-быль”... Мне трудно судить, что получилось: для меня всё это близко и интересно. Настолько ли будет интересно другим?.. Но если Вам покажется, что это достойно страниц “Нашего современника”, — я буду счастлива.

В прошлой “Литературке” увидела большую статью Владимира Бондаренко “Победитель огня”. Читала, с радостью встречая цитируемые и мои любимые стихи:

*Всё равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер протяжно поёт!*

В те годы, когда я с комсомольским максимализмом считала себя атеистом, меня почему-то сильно трогало это последнее четверостишие Вашего стихотворения! Так хотелось его повторять, и кружилась голова... Теперь-то я знаю почему: мы все — русские православные, и от этого куда не деться.

Читала “Из литературных дневников последних лет” и жалела, что это всего лишь небольшие отрывки. Я ведь так давно не имею возможности читать Ваши новые вещи — к нам в Харьков просто ничего не доходит. Последние Ваши книги, которые есть у меня, это “Огонь, мерцающий в сосуде...” ещё аж 89-го года издания, и более поздняя — “Растерзанные тени”... Мне так понятны чувства, которые Вы описываете, вспоминая песню “Летят перелётные птицы”. Я тоже знаю, как перехватывает горло и замирает сердце от прекрасных поэтических строк. Не вычурно-эстетно-красивых, а простых, мужественных и нежных от любви к тому, что нам дано любить. У меня подобное состояние бывает, когда я читаю Ваши стихи. Например, “Мы жили в пограничной полосе”. Когда дочитываю до конца — последние строки сами собой произносятся вслух, просто вырываются с каким-то надрывом:

*когда, кренясь на левое крыло,
лёг “юнкерс” — и спикировал на хутор...*

И не только эти строки: я много могу цитировать поэта Станислава Куняева. И, если позволите, присоединюсь ко всем поздравлениям с Вашим юбилеем, ко всем самым добрым пожеланиям — с любовью...

П. И.”

“Дорогой Станислав Юрьевич!

7.07.2008 г.

Читаю Вашу книгу, которая стала для меня не просто подарком. Чувства, которые испытываю, я называю “праздником единомыслия”. В наше время и особенно живущим в нынешней Украине редко выпадает такая радость. Есть, конечно, среди моих коллег и друзей люди, близкие по взглядам. Но обязательно какие-то расхождения присутствуют: в отношении к вере, в трактовке истории, в любви к определённым “русским” поэтам...

И вот — Ваша книга... Всё в ней находит отзвук, чёткое эхо в моём сердце и моей душе. Часто просто хочется воскликнуть: “И я так думаю! И со мной так было!” Вы цитируете Алена Даллеса: “И лишь немногие, очень немногие будут догадываться...” Я тоже была из тех, кто с самого начала понимал (не до конца, конечно) зло перестройки. Когда, в самом начале появления Горбачёва, я сказала одному коллеге: “Откуда он взялся на нашу голову!” — тот оторопел от моей “тупости”. — “Что ты, что ты! Это гений, это мессия!” Многие за прошедшие десятилетия прозрели, но помнить о своих заблуждениях не хотят. Когда я напоминаю те восторженные слова, отмахиваются: “Нет, не было такого, я такого не говорил...”

Хорошо помню, какой злобой и ядом исходила печать от слов Юрия Бондарева о самолёте, который пустился в полёт, не имея посадочного аэродрома; от определения Вадима Кожинова: перестройка – это контрреволюция партократов, которые захотели выйти из тени, жить не на государственных дачах, а в своих дворцах; от Вашего стихотворения “Дети Арбата”, статьи Нины Андреевой “Не могу поступаться принципами” (могу в чём-то ошибаться, поскольку цитирую по памяти). Вообще, имена Куняева, Кузнецова, Кожинова, Шафаревича были лакмусовой бумагой для определения взглядов людей. . . В конце восьмидесятых мою младшую дочь, ходившую тогда в детсадик, позвали на день рождения её подружки. Детишек было человек десять, примерно столько же родителей. Начитанные, вежливые и приветливые люди. Разговор шёл современный: все восторгались журналом “Огонёк” и Коротичем, живо обсуждали свежие разоблачительные публикации. Меня стали настойчиво расспрашивать об “Огоньке”, на что я ответила, что читаю журнал “Наш современник”. Чтобы сгладить наступившую заминку, мама именниницы восторженно заговорила о поэзии Пастернака и опять же обратилась ко мне, как к знатоку,нисколько не сомневаясь, что и для меня это любимый поэт. Я сказала, что люблю Куняева, Кузнецова, Смелякова, Соколова. Наступило глубокое молчание. А вскоре мы с дочкой ушли, и провожали нас даже без обязательных улыбок. Я поняла, что для этих людей я отныне “черносо-тенка” и уж точно не интеллигентка. (Как видите, преклонение перед Пастернаком осталось обязательным признаком интеллигентности не только для “ифлийцев”, но и для определённых кругов конца восьмидесятых. . .)

Я читаю Вашу книгу и вспоминаю то, что давно забылось. Из детства. Мы жили в коммуналках, радовались дешёвым конфетам, мандаринки – только на Новый год. И совершенно не задумывались над тем, почему у наших одноклассников или соседей Эллы Дейч, Лены Луцевич, Володи Эльянова – изолированные двухкомнатные квартиры, на столах в хрустальных вазах фрукты и шоколадные конфеты. Всегда, каждый день! Что интересно – мы им совершенно не завидовали, а принимали то, что есть, как данность. Наоборот, у нас с детства культивировалось трепетное, жалостливое отношение к евреям: как же, они ведь так пострадали во время войны! Но что мы, харьковские дети, всегда точно знали, – это то, что тот мальчик или девочка – евреи. Безошибочно. Наверное, потому, что Харьков, как и Москва, был очень привлекательным городом для этой нации.

В последние дни, и сегодня тоже, по нескольким каналам ТВ (а у нас кабельное, и мы смотрим Россию) прошли передачи об Анатолии Приставкине, в связи с его кончиной. Конечно же, хвалебные. Я тоже с ним была слегка знакома, и у меня есть свои воспоминания. Я почти ежегодно ездила с детьми в Коктебель. В апреле и в мае, но иногда и в летние месяцы. Летом всегда там видели Приставкина. За ним ходил шлейф более молодых, и не только, московских писателей, для которых он, видимо, был авторитетом. Он и вид имел такой – доброжелательного, громкоголосого, всезнающего наставника. . .

Однажды небольшой компанией я с дочерьми и ленинградский писатель Анатолий Стерликов с дочерью пошли на Тихую бухту – часа два ходьбы по берегу моря, по холмам. Приставкин присоединился к нам, почему-то без своих сопровождающих, только с молодой женщиной (сейчас уже не помню – то ли со взрослой дочерью, то ли с юной женой). И там, на Тихой бухте, произошло небольшое, но символическое происшествие. Я его прекрасно запомнила. На берегу, где мы расположились, близко стояла палатка молодой компании диких туристов. У этих ребят громко играл магнитофон. Через несколько минут Приставкин стал недовольно морщиться, говорить о бескультурии молодёжи, а потом решительно направился в сторону палатки: “Я их сейчас приструню!” Почти сразу разговор пошёл там на повышенных тонах, к нам доносились выкрики: “Я писатель!”, “Приставкин!”, “Тучка золотая!”. . . “Лермонтов, что ли?” – раздался чей-то ироничный голос, дружный хохот, музыка зазвучала вызывающе громко. Приставкин вернулся красный, злой, сказал что-то вроде: “Молодые хамы, ничего с ними не сделаешь. . .” Толя Стерликов поднялся: “Я поговорю!” Приставкин махнул рукой: “Бесполезно!” Но Стерликов пошёл. Почти сразу музыка стихла, стала еле слышна. Толя вернулся, лёг на песок. Приставкин не выдержал, спросил после паузы: “Как вам удалось? Что вы сделали?” Оказывается, Стерликов подошёл и просто сказал: “Ребята,

мы же русские люди...” Молодёжь сначала растерялась, не нашла что ответить, а потом кто-то молча прикрутил магнитофон... .

Когда я узнала, что Приставкин возглавляет комитет по помилованию заключённых, я вспомнила этот случай. Мне было странно: если он не смог найти слов для обычных молодых людей, как же находит общий язык с преступниками?

И ещё один случай, уже из другого лета в Коктебеле. На веранде у Приставкина вечерами собиралась большая компания. Была там и Алла Гербер, она тогда ещё не мелькала на ТВ, как позже, в годы перестройки. Я знала только, что это критикесса из Москвы. Меня, памятуя о некотором знакомстве, приглашали тоже, но я тогда хорошо подружилась с Ольгой Александровной Фокиной, а она их сторонилась, вот и я не ходила. В тот вечер у Приставкина было особенно шумно, причём уже довольно поздно. Вообще-то многие писатели вечерами общались, но помнили, что у кого-то спят дети, а кто-то из коллег работает. Ведь по всему нашему парку на аллеях висели таблички: “Соблюдайте тишину: работают писатели”. Я дождалась, когда мои дочери заснут, и пошла к Ольге Александровне – мы договорились. У неё тоже дочь и сын уже спали, она сидела на веранде, писала. Её коттедж стоял рядом с коттеджем Приставкина, крики, смех, шум доносились так, словно эта компания располагалась прямо здесь, на веранде. Через некоторое время Ольга Александровна не выдержала: “Пойду, попрошу их быть поскромнее”. Мы пошли вместе.

Народ у Приставкина был уже хорошо подвыпивший. Когда Фокина начала говорить, её разухабисто оборвали: “А кто ты такая?” Ольга Александровна очень сдержанно, чётко произнесла: “Я член Союза писателей нашей страны, лауреат литературной премии нашей страны”. “Какой-какой страны?” – ёрничая, спросил один мужчина (как потом выяснилось, муж Аллы Гербер). “Советской страны”, – ответила Фокина. Тогда тот, разведя руками и удивлённо оглядывая всю весёлую компанию, воскликнул: “А что, разве есть такая страна?” В ответ – хохот.

На следующий день Алла Гербер, протрезвевшая и испуганная, прибежала к Фокиной извиняться, потому что в 85-м или 86-м страна Советская ещё была. А я вот теперь, вспоминая, думаю: а может они – Приставкин, Гербер и другие, – уже тогда знали, что её не станет?..

Месяца не прошло, как я вернулась из Коктебеля нынешнего. Поехала туда впервые через 18 лет... . Говорить не хочется об увиденном! Украинская Спилка с таким боем выцарапывала у Москвы этот Дом творчества, с криками о бедных украинских писателях. Только для того, чтобы всё распродать. Из множества корпусов и коттеджей остался самый плохенький корпус, в котором прежде и писателей-то не селили – только околлитературный народ. Всё превращено в громыхающие днём и ночью бары-кафе-казино, набережная – сплошная барахолка. Бесследно, не найти и концов, исчезла наша прекрасная библиотека, где были не только художественная литература и периодика, но и уникальные книги с автографами всех писателей, бывавших здесь ещё с 20-х годов. Ещё бы, ведь престижное помещение библиотеки на самой набережной нужно было спешно освободить для казино!..

Простите, Станислав Юрьевич, за такое длинное, сумбурное письмо. Но это Вы своей книгой подвигли и меня на воспоминания и размышления. Я рада, что воспоминания наших родителей мы храним и передаём дальше. Я неотрывно прочла раздел “Жизнь прожить... .” – Ваши воспоминания, записи Вашей мамы. Всё это очень нужно не только нам.

С уважением и любовью П. И.

P. S. Вид бланка, на котором Вы написали письмо, просто согрел мне сердце: он ведь ещё из советских времён!”

“Дорогой Станислав Юрьевич!

25. 2. 2015 г.

В самом деле, говорить по телефону на актуальные темы у нас сейчас безопасно. А уж тем более звонок из Москвы с большой вероятностью отслеживается. Но как только я положила трубку, попрощавшись с Вами, так очень захотелось “поговорить”, поделиться, рассказать о том, что происходит в моём городе, что происходит с нами.

Ещё две-три недели назад, когда друзья, родственники из России, выходя на скайп, спрашивали: “Ну, как там у вас?”, — я отвечала: “Морально тяжело”. Теперь даже так не ответишь, это уже больше, чем “тяжело”. Вот уже третий день, как Харьков наводнён военной техникой, по улицам ходят патрули из карательных батальонов “Азов” и “Айдар” в камуфляже, любого могут остановить, к чему угодно придраться. В метро обыскивают людей. Как раз сегодня утром муж ехал в метро, его остановили (правда, не вояки, а милиция), заставили открыть сумку, показать документы. Пошли новые аресты среди тех, кто хотя бы слегка “засветился” в нелояльности к власти. Потому что всех тех, кто активно выступал, уже давно арестовали или принудили уехать из страны... Это у нас в городе введён режим АТО (антитеррористической операции), после взрыва, который произошёл 22 февраля, вы, наверное, слышали об этом.

В этот день наши евромайдаповцы отмечали свой праздник — годовщину Майдана, которую они называют “Революція гідності”. Днём, гуляя с собакой, я видела, как колонна из 10–15 машин с жёлто-блакитными флагами и с флагами “Правого сектора”, громко сигналив, двигалась в сторону метро маршала Жукова и Дворца спорта. Туда, как потом я узнала, собрались и пешие активисты на свой митинг. Я предположила, что скоро эта демонстрация двинется в обратную сторону, к центру города, мимо моего дома. Отвела собаку, взяла фотоаппарат и вышла ждать. Хотела сделать снимки “для истории”: весь минувший год я много фотографировала из того, что происходило в городе... Ждала, но через некоторое время увидела, что в ту же сторону, ко Дворцу спорта, с тревожными сиренами проехало несколько машин “Скорой помощи”. Как раз в это время там и произошёл взрыв.

Сейчас несколько версий взрыва озвучиваются. И та, которая указывает на то, что это — провокация властей, очень похожа на правду. Даже меня, человека далёкого от криминала и следствия, удивила видеозапись, которая первая попала в интернет. Там человек снимает идущих с флагами и горланящих “Слава Украине” людей, причём усиленно делает вид, что не знает — что же это такое. Говорит что-то вроде: “Какие-то люди, куда-то идут”, — хотя всё очевидно. И почти сразу, в начале съёмки, звучит взрыв. Снимающий очень хладнокровно реагирует, но при этом уверенно говорит, что кто-то подложил взрывчатку. Так же хладнокровно подходит и снимает истекающих кровью, кричащих людей, суету вокруг них. И громко, словно фиксируя внимание, несколько раз повторяет: “Это сепары взорвали, сепары (далее матом)”. Кто-то кричит: “Бомбу подкинули в урну!” Но комментатор уже подошедшим милиционерам уверенно говорит: мол, нет, взрывчатка была зарыта в снегу, я заметил, я местный...

Я, ошеломлённая увиденным, тем не менее машинально отметила постановочность этого видео. И даже мелькнула мысль: “Да этот парень как будто знал, что будет взрыв, снимал с очень удобной позиции”... Уже на следующий день в интернете я прочитала комментарий киевского журналиста Максима Равребы, где он по полочкам разложил это видео, аргументированно указав на те моменты, которые заметила и я, и на другие подобные.

А через два часа brave харьковские сыщики доложили, что злоумышленники пойманы. Их четверо, при обыске найден гранатомёт (рояль в кустах), конечно же, российского производства, и уже есть признание, что обучение террористы проходили в Белгороде, оттуда и гранатомёт. А взрывную кнопку нажимал чуть ли не сам мэр Кернес... Всё это было бы смешно, если бы...

А грустно очень. Ещё не закончился этот день, как мы, харьковчане, узнали: в городе вводится высший уровень террористической угрозы, начинается АТО. Что ж, к этому вело всё, что происходило последнее время.

Вот уже несколько месяцев, как город целенаправленно запугивают. Вдоль границы с Белгородом якобы стоят ракетные комплексы РФ, направленные на Харьков. Будут бомбить. Об этом рассказывают детям в школах: Россия будет нас бомбить, а потом придут русские захватчики, станут арестовывать и даже убивать тех, кто за Украину. И потому скоро целыми классами их, детей, станут вывозить во Львов. Практически каждый день в школах детей водят в бомбоубежища. “Сначала было интересно, — рассказывал Максимила, мальчик из моего подъезда. — Но уже надоело. Прячемся и прячемся!” Я в самом деле всё это знаю не понаслышке, а из первых уст: в моём подъезде живут трое школьников — четвёртый, шестой и седьмой класс, —

и учительница, преподаватель бывших “русского языка и литературы”, а нынче “зарубежной литературы”. И о том, что детям вдалбливают в головы: “Россия враг, Россия всегда гнобила Украину”; и о том, что они собирают посылки “дорогим бойцам-защитникам, бьющим террористов на Донбассе”; и о том, что перед началом занятий обязательно поют гимн “Ще не вмерла...” с приложением руки к сердцу... Одни из моих соседей просто не посылают сына в школу, пользуясь тем, что мальчик болезненный. А соседка-учительница оформила пенсию, хотя ещё недавно не собиралась этого делать, была полна энергии, желания работать...

Я рада, что мои внуки, старшая из которых уже школьница, всего этого не видят и не знают. В конце августа семья старшей дочери уехала, увозя троих детей, в Россию, в Воронеж. Из Воронежа наши корни, вот они словно вернулись к истоку. Увы, не по своей воле, пришлось бросить здесь многое. Но дочь и зять сказали: “Наши дети никогда не будут учить историю по львовским учебникам. Никто им не станет внушать, что их прадеды-фронтовики – мерзавцы, захватчики, убийцы, а герои и освободители – это вояки-бандеровцы...”

Насчёт бомбоубежищ: по городу вышло распоряжение – готовить под это дело все подвалы в жилых домах, все старые, ещё с 50-х годов бункеры. Вот сижу, пишу это письмо, а прямо под окном работники ЖЭКа расчищают прилегающий к дому подвал. Одно радуется: годами эти подвалы захламляли всем, чем можно, теперь хоть расчистят.

В последнее время я постоянно носила с собой фотоаппарат, куда бы ни шла. Снимала разрушенные памятники, разукрашенные жовто-блакитные столбы, деревья, “награждённый” этими же цветами знаменитый памятник Шевченко, пустырь на месте завода “Серп и молот”. Тот самый, который до революции (Великой Октябрьской, чтоб не перепутать!) назывался “Гельферих-Саде” и производил сельхозтехнику. Советской власти он оказался нужен, выпускал двигатели для тракторов, комбайнов. А вот в независимой Украине его снесли с лица земли, теперь здесь будет развлекательный центр. Зрелищ, зрелищ побольше... Не забуду: на Московском проспекте, на мосту, стоит пожилой мужчина, смотрит туда, где был завод. Я шла мимо, он оглянулся, вижу – плачет. Сказал, словно оправдываясь или объясняя: “Всю жизнь здесь проработал...” Махнул рукой и ушёл. А у меня сердце сжалось – вспомнила родной ХТЗ. Его строил мой дед, отец всю жизнь, за исключением лет войны, проработал. И я пришла на ХТЗ сразу после школы, сначала в инструментальный цех, потом – в редакцию многотиражки “Темп”. А сегодня ХТЗ хоть и не разрушен, но умирает.

Но это я отвлеклась. Я говорила о фотоаппарате. Сегодня боюсь его даже брать с собой, не то чтобы достать и снимать. Тут же в шпионы российские запишут. По нашему ТВ постоянно крутят предупреждающий ролик: “Если заметите подозрительных людей, снимающих на улице, – сообщайте!” Да что там: постоянные призывы доносить на вызвавших подозрение в инакомыслии давно уже здесь обычное дело.

Не знаю, много ли поступает доносов, но беззаконие царит вопиющее. Последний случай, самый известный, как раз у нас в Харькове произошёл, на 23 февраля. В одном отделении милиции женщина-капитан поздравила сослуживцев-мужчин с праздником (ну, привыкли мы к тому, что в этот день мужчин поздравляем!) Плакатик повесила поздравительный, а на нём – ленточка георгиевская нарисована была. Тут же её и уволили, за сепаратизм.

Или полюбившаяся нашим героям-евромайдановцам люстрация! Депутата, пожилого человека, вышедшего из здания горсовета, хватается толпа накаченных молодчиков в камуфляже и с балаклавами, бросает в мусорный бак... Человека сразу увезли с инфарктом в больницу, еле выжил. И что? А ничего – это же наши герои, борцы за “Единую Украину”. Только вот что мне интересно: почему эти люди лица свои скрывают? И те, которые ходят маршами по улицам, орут “Москаляку на гиялку”, наводят свои порядки в городе. И те, кто воюют в карательных батальонах на Донбассе. Ведь это же их власть, им всё позволяется, они знают свою безнаказанность, а вот же – упорно прячут лица. Уверена: каждый такой “герой” в подсознании понимает, что совершает преступление, и отвечать придётся. И боится...

А вот наши ребята, те, кого называют “колорадами” и “сепарами”, лиц не скрывают. Иногда даже слишком открыты и откровенны. Олега Новикова, ор-

ганизатора движения “Исход”, соратники предупреждали: кончилось время легальной деятельности, только себя погубишь. Но Новиков упорно верил: можно и нужно даже с этой властью дискутировать открыто. Он трудно добивался, но таки добился – зарегистрировал свою организацию. Получил официальное разрешение на существование и деятельность. Снял офис, в соцсетях, в прессе обнародовал его адрес, приглашал всех, и сторонников, и противников приходить, открыто дискутировать, пытаться понять друг друга...

Я Олега Новикова знаю давно как хорошего поэта, публициста. Харьковчане его знали как депутата облсовета. Он инвалид – нет одной ноги. Но такого энергичного, живого и неутомимого человека поискать. С самых первых дней он участвовал в нашем Антимайдановском движении как организатор. При этом его позиция всегда отличалась от установок других лидеров. Олег пытался найти точки соприкосновения с людьми других взглядов, при этом не отступал от своих принципов. Обстановка в городе накалялась, а Новиков продолжал устраивать дискуссионные встречи.

Вот уже больше месяца Олег Новиков в тюрьме. Его арестовали в день, когда он привёз из роддома жену с новорождённой дочкой. Обвинили в каких-то взрывах, терактах. Смешнее и глупее быть не может. Уже в заключении Олег написал письмо-обращение. Вот фрагмент его:

“Я, Олег Новиков, находясь в это время в тюрьме по неуклюже сфабрикованным обвинениям СБУ и МВД в Харьковской области, понимая всю суть происходящего, в очередной раз публично заявляю: ни при каких обстоятельствах я не пойду на позорные договорённости с пособниками действующей кровавой власти; все попытки запугать меня путём шантажа и угроз физической расправы с треском провалятся, ибо угрозы от страха большого, а стойкость от любви к истине; все возможные провокации в адрес моих сторонников, родных и близких, в адрес членов организации “ИСХОД” закончатся ничем, ибо “Мы мзды не берём! Нам за Державу обидно...” Я, Олег Новиков, имею честь и мужество называть вещи своими именами: преступная клика – “Хунта” – в лице действующей власти: Порошенко, Яценюка, Турчинова, Гройсмана, Авакова, Наливайченко, при поддержке 450 депутатов-дармоедов ВР и горстки олигархов во главе с Коломойским, и есть то истинное ЗЛО, которое стравиливает между собой и уничтожает всевозможными изощрёнными способами вверенный им народ. Я призываю всех небезразличных и уставших от постоянной лжи жителей нашей многострадальной страны объявить тотальный бойкот и презрение нынешним руководителям Украины. И всеми доступными и законными способами добиваться свержения этих иуд от политики. Я призываю “Исходцев” и всех наших сторонников не складывать руки, не опускать головы и продолжать легитимный, законный и массовый протест против кровопролития, неофашизма, репрессий и ненависти, охвативших нашу страну”.

Арестован писатель и депутат облсовета из Николаева – Николай Машкин. Я читала письмо в его поддержку, которое подписали и вы, Станислав Юрьевич, и многие коллеги, которых я лично знаю. Между прочим, могу повторить то же, что сказал он: если бы в Харьков вошли российские танки, их встречали бы цветами. Причём мы, харьковчане, сами бы поразились тому, как нас, единомышленников, много. Год назад десятитысячные митинги собирал Антимайдан, а теперь мы все в загоне. Выйти на улицу с георгиевской ленточкой, значит, рисковать жизнью. Да, могут и убить, причём безнаказанно.

Что-то я растеклась мыслью по древу. Думала написать коротко, да слово за слово...

Дорогой Станислав Юрьевич, вот пишу вам, и вспомнила... В 2007 году я впервые приехала на большой литературный праздник в Белгород. Николая Переяслова – он приезжал к нам в Харьков, его я знала, – спросила: “А нет ли здесь Станислава Куняева?” А он вдруг сразу закрычал: “Стас, иди сюда, здесь с тобой познакомиться хотят!” Так я впервые вас узнала лично, потому что “знакома” с поэтом Куняевым я была ещё с середины 70-х годов. Мои ровесники тогда восхищались Евтушенко, Рождественским, Вознесенским, Ахмадулиной, а вот меня они как-то не волновали. Мне нравился Дмитрий Кедрин, Олжас Сулейменов, Евгений Винокуров, испанские и латиноамериканские поэты. Но вот я познакомилась с будущим мужем, который только приехал в Харьков из России, и он просто открыл для меня целый пласт других поэтов: Николая Рубцова, Василия Фёдорова, Владимира Соколова, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева... И я поняла: вот оно, моё!

А вы, Станислав Юрьевич, сразу стали моим самым любимым поэтом. Именно ваши строки так созвучны моей душе, эмоциям, чувствам. Ещё с тех лет я многие стихи знаю наизусть. И когда в Белгороде вы сказали в разговоре, что уже стихи не пишете, для меня это был почти шок. Как это – Куняев, и не пишет стихи? Но вот прошло несколько лет, и я поняла ваши слова: “Наверное, я в поэзии всё сказал, что мог”.

Всего вам доброго. С неизменной и давней любовью к вам

П. И.
25. 02. 2015.”

* * *

Нет-нет да и вспоминается мне дискуссия “Классика и мы”, выступая на которой в 1977 году я попытался доказать “городу и миру”, что творчество поэта Багрицкого, из которого местечковые идеологи двух революций – февральской и октябрьской – и гражданской войны делали чуть ли не классика русской литературы, на самом деле бесчеловечно и враждебно и пушкинским, и шолоховским традициям. Я цитировал садистские строки из поэмы “Февраль”, из стихотворений, посвящённых чекистам, из “Думы про Опанаса”... Но, как бы я ни горевал о судьбе украинского крестьянина, как бы ни ненавидел комиссара Когана, моё сердце сжималось от странного чувства, когда я читал:

*Тополей седая стая,
Воздух тополиный.
Украина! Мать родная,
Песня Украина!
На твоём степном раздолье
Сиромоха скачет.
Свищет перекаати-поле
Да ворона кричат.*

Какое-то дыхание сиротства, изгойства, одиночества печального восточнославянского племени, веками живущего в окружении других состоявшихся держав и народов, исходит от этих признаний не русского, нет, скорее еврейско-украинского русскоязычного поэта, одессита по национальности, которого сделала поэтом не Россия, а Украина. Отдадим ей должное.

Может быть, поэтому, выросший в Советском Союзе, я всегда принимал украинские беды и потрясения ближе к сердцу, нежели грузинские, армянские, азербайджанские, прибалтийские и прочие распри. Прямое родство русской и малороссийской души всегда было для меня роднее любых других исторических уз. Наверное, поэтому, возглавив “Наш современник”, я, в первую очередь, в разгар межнациональной сумятицы, в сентябрьском номере 1989 года напечатал в журнале вирши Бориса Олейника, рассказы Юрия Мушкетика и Миколы Хвylёвого с предисловием Виталия Коваля, рассказы Мыколы Олейника, статьи Ярослава Берегового и Эдуарда Гончаренко.

А в 90-е годы мы не раз печатали отчаянные письма наших читателей с Украины о невыносимом засилье бандеровщины и русофобии во власти, в средствах массовой информации, в быту и в головах известных писателей, ещё вчера “радянских”, а сегодня ставших “руховцами” и “щирыми западенцами”. С демонстративной откровенностью мы отпраздновали в журнале столетний юбилей знаменитого украинского писателя Ярослава Галана, зверски убитого бандеровцами во Львове в 1949 году и посмертно награждённого в 1952 году Сталинской премией. В 2000 году опубликовали роман крымского писателя Владимира Бушняка “Стамбульский зазывала”.

А в 2007 году после переговоров с киевскими друзьями и с их помощью напечатали в июльском номере журнала стихи Бориса Олейника, Леонида Горлача, Станислава Минакова, Олега Тохтомыша, Юрия Каплана, Василия Бабанского, Геннадия Кириндясова, очерк “Над Днестром и Смотричем” нашей любимицы Марины Струковой, которая побывала по моему заданию в Киеве, в Хмельницком, во Львове, в Карпатах, а на прощанье завершила свой очерк

словами: **“До встречи, Украина! Десять антирусских настроенных субъектов в толпе и пять у власти не заставят меня относиться хуже к твоему народу и песням, полям и храмам, великой истории и славянскому братству”**. А завершалась “украинская тетрадь” в журнале моей беседы с киевскими писателями Василием Бабанским, Геннадием Кириндясовым, беседой, которая сначала была напечатана в газете “Киевские ведомости” 21 декабря 2006 года...

Вот в какие человеческие времена, несмотря на все усилия украинских президентов и премьеров, несмотря на все конвульсии бандеровцев и апологетов “европейского выбора”, мы жили ещё несколько лет тому назад! Жили и надеялись, что наш здравый смысл и традиция многовековой истории постепенно перемелют искусственно насаждаемую вражду, что наши отношения, если и будут меняться, то в лучшую сторону.

Но Борис Олейник, которому в этом году исполнится 80 лет, смотрел в будущее дальше нас, когда писал в стихах, напечатанных в “Нашем современнике” о **“лабазно-инородном ворье”**, торгующем на его Украине **“святынями”** Отечественной войны, об **“ублюдке промальтийского закваса”**, забравшемся **“на державный трон всея Руси”**, о гуляющем по его родине **“панстве”**. Однако самое пророческое его стихотворение называлось “Марш пятой колонны”, когда вчерашние исполнители “Интернационала” поют “Ще не вмерла”:

*Спелся этот хор объединённый...
Глянь, жовто-блакитный и червонный,
как победным маршем там и тут
коммутанты всей своей колонной
в ногу с янычарами сплочённо
Украину на торги ведут.*

Надо признаться, Борис Олейник, знающий свою Украину лучше и глубже нас, в стихах 2007 года предсказал многое из того, что случилось в 2014-м.

А два письма киевлянина Василия Бабанского, который помогал нам составлять “украинский” номер, сохранились в моём архиве. Он писал, в частности, о подписке “Нашего современника” на Украине. Вот о чём, мы, наивные люди, думали ещё в 2008 году!

Дорогой Станислав Юрьевич!

С огромной радостью прочитал обе Ваши книги. Превосходная публицистика! Думаю, в России вряд ли найдётся литературный боец, равный Вам по остроте пера и глубине анализа. А главное: всё, что Вы пишете, так убийственно-доказательно. А название! “Мои печальные победы”. Даже под сердцем защемило. Так это мудро, глубоко... и печально.

А теперь по сути письма Вашего. Всецело разделяю Ваши огорчения по поводу подписки на журнал. Есть тут и наши недоработки. “Наши”, т<о> е<сть> тех, кого Вы так любезно представили в прошлом году на страницах “НС”. Но если б Вы только знали, как непросто сегодня в Украине пропагандировать что-то русское вообще, а тем более издание такого направления! Все идеологические институты государства, возглавляемого нынче “оранжевыми”, настроены таким манером, чтобы “вылепить” из России образ врага. Доходит до дикости. Вот один из образчиков подобного рода. На львовском телевидении рекламируется местное пиво. Мужик в национальном “жупане” спрашивает другого: “А як по-руські буде “пиво”? Тот отвечает протяжно-насмешливо: “Пи-и-и-во”. (Тут надо объяснить: “пиво” по-украински звучит через букву “ы”, т. е. “пыво”, а по-русски через “и”, т. е. “пиво”). И вот что отвечает “свідомий” украинец: “Вот проклятые москали. Убил бы”. Комментарии, как говорится, излишни. Правда, кто-то наверху всё же допёр, что это уже “занадто”*. И рекламу через месяц прикрыли. А привкус этой националистической мерзости остался.

Если добавить к этому, что из эфира одна за другой исчезают российские телепрограммы, что в судах всё судопроизводство переводится исключительно на украинский язык; что по итогам всеукраинского опроса “Великие украинцы” в первой десятке вместе с Ярославом Мудрым, Богданом Хмельницким,

* Слишком.

Тарасом Шевченко оказался (кто, Вы думаете?!) Степан Бандера, то даже этого краткого перечня достаточно, чтобы понять, “куда ветер дует”.

К счастью, надо сказать, что простые братья-хохлы обладают ещё иммунитетом против такой идеологии и по-прежнему сохраняют тёплые чувства к соседям. Но “ржа разъедает и железо”.

Словом, на душе неуютно и даже пакостно. Но унывать не стоит. Национализм может быть огромным, но великим – никогда. И долговечным – тоже.

... Мы поработаем, чтобы “НС” не терял той нити, которая ещё связывает его с украинским читателем. После 1 мая я поеду в Днепропетровск, попробую там навести мосты. Кириндясов пообещал поискать подписчиков в службах омбудсмана Украины (он там работает). Я поговорю с Ю. Капланом на предмет рекламы “НС” в возглавляемой им газете “Литература и жизнь”. Если у Вас найдётся короткий текст, пришлите. Хотелось бы поговорить ещё по душам. Возможно, это к лету удастся.

А пока сердечно жму Вашу руку.

Искренне Ваш В. Бабанский.

Р. С. Геннадий Кириндясов не просто просил, но даже умолял меня передать Вам свою просьбу прислать и ему пару книг. Он давний и, похоже, ревностный Ваш почитатель. А в Киеве Ваших книг днём с огнём не сыщешь. Если это возможно, уважьте”.

12. 2. 2010.

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

Поистине, неисповедимы пути Господни. Если бы три года назад, когда я появился в Вашем кабинете, Вы так благосклонно не отнеслись к моему столь запоздалому поэтическому творчеству и не посоветовали всерьёз подумать о собственной книге, у меня не было бы удобного случая ещё раз низко поклониться Вам за Ваше дружеское участие и покровительство. Ведь именно благодаря Вам я впервые напечатался в таком солидном издании, каким, несомненно, является “Наш современник”.

И вот Вы держите в руках мою первую книгу стихов. Издать её здесь, в Киеве, было непросто. Не говоря уже о материальной стороне дела, пришлось пойти на уступки издательству и включить в сборник несколько стихов и песен на украинском языке, чтобы тем самым поддержать национальный “процент”, от которого зависят государственные льготы (таковы, к сожалению, наши “демократические” реалии).

Слава Богу, всё это позади. Первые радости от лицезрения собственного детища уже омрачились трезвой оценкой и недовольством, что в сборнике есть случайные стихи и строфы, некоторые грамматические огрехи. Надеюсь, что если Вы хотя бы пролистаете книгу, Вы их заметите, как, может быть, заметите и оцените что-то стоящее.

Буду весьма благодарен Вам, если Вы дадите в журнале хотя бы аннотацию или отзыв, а по возможности – подборку стихов из презентуемой Вам книги. Разумеется, “НС” – журнал русский! И не только по метрике. У меня нет возможности (пока) издать что-либо в России, на моей духовной Родине, но я буду искать такие возможности. Сегодня же буду чрезвычайно рад, что хоть один (и какой!) русский читатель поддержит в руках бледное дитя моего стихотворчества.

Понимая всю Вашу занятость, не смею рассчитывать на пространный отзыв или ответное письмо. Прошу черкнуть лишь пару строк, дабы я знал, что книга Вами получена.

И дай Вам Бог здоровья и благополучия.

С глубоким и искренним уважением

Ваш давний читатель и почитатель В. Бабанский”.

Далее был адрес, в котором сообщалось, что автор письма живёт на улице “Героев Севастополя”. Неужели название улицы сохранилось до сих пор? Неужели мы больше не обменяемся с Василием Васильевичем письмами, не пожмём друг другу руки? А книжка его – честная и душевная – порадовала меня. Не знаю, что и делать. Как вспоминать о друзьях и знакомых, живущих на Украине? Они пережили такое, что неизвестно – выжили или нет. Хочется верить, что он жив.

Вскоре после выхода в свет “украинского номера” я отправил журнал в Киев Борису Олейнику с таким письмом:

“Дорогой Борис!

Посылаем тебе наш подарок – “украинский” номер “Нашего современника”. В нём поразительная по искренности и мужеству подборка твоих стихотворений, которую по нашей просьбе принёс в журнал Женя Нефёдов.

Я всегда знал, что ты человек честный и бесстрашный – со времён, когда ты издал брошюру о нашем “зраднике” Горбачёве, – но в этом цикле стихотворений ты поднялся на ещё большую высоту и заговорил и о своём народе, и о русском, как умели говорить правду древние пророки.

Номер этот мы издали по инициативе нескольких украинских хлопцев, которые приехали ко мне в прошлом году. Старшим у них был журналист и поэт Василий Бабанский. Не думаю, что всё получилось идеально, но все-таки первый блин не вышел комом благодаря твоим стихам. Даже моя строгая жінка Галина читала их и восхищалась, она жила на Украине, знает язык.

Может быть, после этого номера сделать нам выступления бригады “Н. С.” на Украине? Осенью... Правда, неизвестно ещё, какая у вас будет обстановка.

Я очень хочу увеличить число подписчиков на Украине (прости, так уж привык – “на”, а не “в”, поскольку в шевченковском “Заповиди” сказано: “на Україні милій”). Сейчас Украина выписывает в месяц всего лишь 132 журнала. Для сравнения, на твоей любимой Беларуси, где населения в 5 раз меньше, чем на Украине, подписок библиотечных и личных около 500...

Как ты думаешь, возможны в Киеве встречи с читателями, если приедет бригада “Н. С.”: Ганичев, Распутин, Крупин, Куняев и, конечно, ты будешь в роли друга-хозяина? Без тебя нас ведь и освистать могут...

Давай подумаем, помечтаем, авось что-нибудь у нас на старости лет получится доброе и полезное для души, сердца и для нашей общей истории. Как бы нам переломить злую волю наших общих и, к сожалению, родных нам по крови “запроданцев” и русских, и украинских...

Посылаю тебе на память две своих работы, очень дорогих для меня. Я ведь стихов не пишу последние 15 лет – что-то после 1993 года во мне умерло, – но спасаюсь воспоминаниями и размышлениями над нашей общей историей...

Как бы нам подписание подвинуть на Украине?! Ведь журнал наш – дело очень серьёзное, он, в сущности, есть партия патриотов общих для России, Украины, Белоруссии. Нас немного, но правда – с нами. Обнимаю.

Твой Станислав Куняев”.

Я обратился к Олейнику, зная, что мы единомышленники, помня, что совсем недавно, к моему 75-летию, он прислал мне не казённое – сердечное поздравление, растрогавшее меня до глубины души:

“Высокоцитимый, дорогой Станислав!

В День Вашего Ангела хотел бы “через головы поэтов и правительств” засвидетельствовать своё глубочайшее уважение к Вам, поэту от Бога. Яростному публицисту и блестящему знатоку родной словесности, который по существу первым проник в корневую систему трагедии, постигшей нашу великую Родину, и мужественно назвал поимённо её разрушителей. А названное зло – уже путь к его преодолению!

Восхищаюсь Вашей стойкостью и последовательностью в отстаивании нашего славянского братства. Да поможет Вам Господь в праведном деле и да благословит Вас равноапостольный Сергей Есенин! Слава всему Вашему роду!

По-братски, по-славянски, от сердца.

Борис Олейник”.

Однако обстановка в Киеве была уже такой антирусской, что даже Олейник с его именем, со всеми его орденами и званиями народного поэта, академика, лауреата Шевченковской премии, председателя Украинского фонда культуры был не в силах помочь нашему журналу. Скорее всего, потому, что все эти звания и награды были получены им при советской власти, ненавистной нынешнему киевскому режиму.

Но приближался 200-летний юбилей Тараса Шевченко. И что бы ни писали о нём иные историки и литературоведы, как бы ни выталкивали его за пределы мировой культурной жизни, в “хуторянство”, в племенное состояние, в художественную стихию, недостойную называться “имперской”, всё равно для украинского народа, в каком бы историческом времени он ни находил-

ся, — в российско-имперском, в общесоюзно-советском или даже в националистически-бандеровском, — Тарас был, есть и вечно будет великим поэтом своего народа. Есть только у этого культа одна слабость, о которой всё время забывают апологеты Тараса: в Европе, куда рвётся бандеровская Украина, в Америке, откуда управляют Украиной обама, байдены и маккейны, в Прибалтике, вообще освободившейся от всякой литературной жизни, никакой “великий Тарас” с его “Гайдамаками” и “Заповитами” не нужен. Ни в какой Варшаве, ни в каком Берлине или Париже, ни в каком Вильнюсе, Лондоне или Копенгагене в дни шевченковского юбилея никто о нём и не вспомнил. Вспомнили о нём в Киеве, да и то кое-как, наспех. Возложили венок к памятнику — и делу конец. Когда чёрный дым от покрывок вздымается к небу, когда факельные шествия высвечивают лужи крови, пролитые на майдане, никому, по существу, нет дела до великого Кобзаря, до его мечтаний о “семье вольной новой”... Вспомнили о нём лишь в России. Конечно, не так, как вспомнили бы в Советском Союзе — с торжественным вечером в Большом театре, с присутствием Генсека ЦК КПСС и всех членов Политбюро в Правительственной ложе, с телепередачей на 1-м канале, с портретами Тараса во всех газетах. Нет, конечно, не столь пышно, но вспомнили. Поскромнее. Международный литературный фонд и Международное сообщество писательских союзов с помощью Ивана Переверзина нашли средства для того, чтобы пригласить в Москву двадцать пять украинских писателей из всех областей “незалежной” — от Львовщины до Новороссии. Возглавлял делегацию Борис Олейник, который получил в дни шевченковского юбилея подарок от писателей России — книгу своих “Избранных стихотворений”, переведённых на русский язык.

К этой же дате нами был издан “Тихий Дон” на украинском языке в переводе Владимира Середина и впервые безо всяких цензурных сокращений.

Сначала мы провели в Переделкино творческий вечер, посвящённый великому Тарасу, на котором главные слова произнёс Борис Олейник:

“Дорогие побратимы, писатели России!

Мы глубоко благодарны россиянам за организацию и проведение встречи представителей двух народов в канун и в честь 200-летия великого сына Украины и светоча мировой величины Тараса Григорьевича Шевченко.

Надо ли доказывать, что значит для Украины Тарас?! Целые скирды наградили вокруг него словесной соломой, великих слов великую силу, а ведь предостережено: не поминай имя Господа всуе! Поэтому просто напомним истину: Шевченко — эта самая Украина и есть. И если мы чего-то и стоим, то этим в полной мере обязаны Тарасу Шевченко. Так вот, не надо прибедняться и впадать в мазохизм: народ, который породил такого гения, достоин, чтобы в полный рост стоял с открытым забралом, как равный с равным в семье наиболее уважаемых мировых наций.

Весьма печально, когда встречаешь особь, не помнящую родства, не менее сумрачно на душе, когда сталкиваешься с личинами, не помнящими добра. Мы, украинцы, никогда не забываем ту судьбоносную роль, которую сыграли лучшие сыны России в освобождении нашего Тараса из крепостной неволи, открыв гениальному самородку дорогу в бессмертие. Нам откровенно чужд национал-мазохизм меньшого брата, ибо за нашими плечами великая Киевская Русь, беспримерное мужество запорожского казачества, перед лицом которого за вашу и нашу свободу и донине с благодарностью склоняется мир.

Нам есть чем гордиться по праву, но нам абсолютно чужды любые варианты богоизбранничества. И в то же время мы горды своей принадлежностью к великому семейству славян.

У Шевченко было право выбора: не покидая родных низов, и себе кое-что приобрести на верхах. Для этого, принимая во внимание его могучий талант, многого и не требовалось: несколько подретушировать острые углы, подыграть властям... Тарас Шевченко ни разу не поступился ни своими взглядами, ни своим характером и ничего не приобрёл для себя лично, кроме преследования. Но обрёл Украину и весь мир. Ни разу его не издавали полностью, поскольку он не был удобен ни для царя, ни для Сталина, ни для Хрущёва, ни для Брежнева и Горбачёва. И, должен сказать, он становится неудобным и для некоторых ныне власть имущих, которые под его знаменем взобрались на Олимп власти.

Призывая к духовному союзу славян, он словно предвидел, что хозяева нового миропорядка станут коварно подбрасывать хворост в костёр раздора,

на котором испепелили великого Ивана Гуса и в пламени которого обуглились сотни сербов: “Эй, славяне, будьте бдительны!” Об этом мы обязаны напомнить именно сегодня.

Наиболее сердечная благодарность организаторам встречи, которые сделали всё, чтобы эту встречу превратить в праздник дружбы. Всем вам, братья и сестры, сердечное украинское спасибо!”

В этот же вечер о Тарасе говорили Василий Лановой и Валерий Ганичев, Михаил Ножкин и Леонид Горлач, Иван Переверзин и Станислав Куняев, жалевший в душе, что не всегда был справедлив в спорах с Мыколой Петренко, и потому вспомнивший, что в мартовском номере “Нашего современника” будет напечатана статья киевлянки, доктора филологических наук Людмилы Киселёвой, о духовном влиянии поэзии Тараса Шевченко на творчество выдающегося русского поэта Николая Клюева.

Старые липы и старые дачи Переделкино до сих пор помнят Павло Тычину и Александра Довженко, Андрея Малышко и Олесья Гончара, и под сенью этих лип, в этих легендарных стенах письменники Украины, все, кто попросил слова, выступали с предельной искренностью и признательностью к своим русским побратимам.

На второй день российско-украинская встреча писателей перетекла из Переделкино в Дом Ростовых и проходила при участии Посла Украины в Российской Федерации.

Вечер был не менее, если не сказать, более праздничным: наши братья уже отогрелись душой и тёплым приёмом и с большим удовольствием выступали по несколько другому поводу. В этот раз они собрались на презентацию тома “Избранного” Бориса Олейника. Выступающие по праву называли его продолжателем дела Великого Кобзаря, а он при этом смущённо взмахивал руками, тихо протестуя: “Да ну, что вы!”

А после литературной части вечера началась дружеская застольная, на которой мы все ударились в тосты-воспоминания, но в самый разгар праздника у наших гостей зазвенели, завизжали сотовые телефоны, после разговоров по которым сходили улыбки с их лиц, в глазах возникла тревога, тосты прерывались на полуслове. Родные и друзья из Киева, видимо, сообщали о том, что градус ярости и безумия, охвативших майдан, дошёл до предела, что они должны срочно возвращаться на родину. Это была ночь с 20 на 21 февраля.

Наши гости должны были ещё на пару дней задержаться в Москве, нами уже были заказаны для них автобусы — чтобы прокатить по столице, в которой многие из них не были по несколько лет. Но судьба распорядилась иначе: кто сумел в эту ночь, кто на следующий день — все они срочно уехали в родную украинскую тьму. А пока добирались до родимых мест, в Киеве произошёл государственный переворот, и они вернулись уже в другую страну.

Пророчества Бориса Олейника о том, что “пятая колонна” ведёт Украину “на торги”, сполна оправдались.

* * *

10 апреля 2015 года в чистый четверг на Страстной Седмнице вторая программа Центрального российского телевидения совершила ошибку из числа тех, которые, по словам Меттерниха, “хуже, чем преступление”. Десятки миллионов наших граждан увидели кадры кинохроники, на которых Иосиф Бродский своим монотонным лающим голосом прочитал стихотворенье “На независимость Украины”, написанное в 1992 году, когда украинское бандеровское братство, укрывшееся после войны от справедливого возмездия в США и Канаде, узнав о создании “незалежной”, впало от восторга в подлинное неистовство, на которое нобелевский лауреат ответил следующим образом:

*Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
время покажет: кузькину мать, руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.*

*То не зелёно-квитный, траченный изотопом, —
жовто-блакитный реет над Конотопом,*

скроенный из холста: знать, припасла Канада — даром, что без креста, но хохлам не надо.

*Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.*

*Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы или на все четыре*

*стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в щазе,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще?*

*Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.*

*Не поминайте лихом! Вашего хлеба, неба,
нам — подавись вы жмыхом и колобом! — не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.*

*Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом!
Вас родила земля: грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не даёт вам, кавунам, покоя.*

*Ой-да левада-степь, краля, баштан, вареник.
Больше, поди, теряли: больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьёмся. А что до слезы из глаза,
нет на её указа, ждать до другого раза.*

*С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придёт и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраца,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

Когда я прочитал до конца, то первое, что поразило, — это запредельное косноязычие неряшливо зарифмованного текста, в которое впал Иосиф от негодования и гнева, охватившего его. Состояние вдохновенной пламенной страсти вообще было противопоставлено его холодному таланту. Свои незаурядные версификационные способности он мог проявлять лишь с помощью иронии, скепсиса, изысканного цинизма. А тут от нахлынувшей ярости поэт чуть не потерял дар речи, или если говорить его словами — “часть речи”. Но беда не в этом. Когда стихотворенье пишется по какому-то конкретному поводу, то он, этот повод, даёт старт вдохновению лишь вначале, а потом в работу включается вся энергия мировоззрения, если оно есть у поэта. У Бродского оно было.

Но, желая отхлестать бандеровцев “бичом Ювенала”, он вольно или невольно с первых строчек забыл о них, и выплеснул на бумагу жестокий и несправедливый приговор всему украинскому народу, его крайне своеобразному национальному характеру. Бродский отказал ему не только в уме, но и в здравом смысле, и в христианском терпении вместе с милосердием, и в простодушной наивности, столь глубоко прочувствованной Гоголем, и в способности к самопожертвованию, гениально изображённой в повести “Тарас Бульба”. . . Я уж не говорю о преданности русскому товариществу, воспетой в гоголевском эпосе столь убедительно, что я до сих пор не могу по-

нять, почему после того, как судьба Тараса Бульбы за целых полтора века вошла в сознание и чувства нескольких поколений России и Украины, почему после такой благодатной полуторавековой работы нашлись в мире силы, которые смогли расчленивать наше восточнославянское тело, разрубить палашом наш общий позвоночник и разорвать нашу единую душу. А причастность Искры и Кочубея к имперской судьбе России, угаданная Пушкиным в “Полтаве”? Куда её денешь? Да разве язык оды Бродского – порой приклатнённый, почти базарный, нарочито “интеллигентско-вульгарный” (“Как говорил картавый”, “по адресу на три буквы”, “пусть теперь в мазанке хором гансы с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы”, “плюнуть что ли в Днипро”, “прощевайте, хохлы”, “брехня Тараса” и т. д.) – разве это язык “имперского мышления”, как утверждают иные знатоки нашей общей истории?

Вот образец настоящего имперского стиля и в мысли, и в стиле “Александра”, якобы столь любимого Иосифом:

*Наш Киев дряхлый златоглавый,
Прапращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыни всех своих гробов?*

А у Бродского? Да он снизил до плинтуса не только “рейтинг” украинского, но и русского народа, когда весьма своеобразно объяснял причину развала советской империи:

*Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.*

Да, можно согласиться, что “не нам” их обвинять. Но утверждать, что русский народ (“кацапы”) в советское семидесятилетие только и делал, что “заливал глаза” и жил растительно-животной (“тарзаньей”) жизнью, может только литературный сноб или вульгарный русофоб. Но несколькими стихотвореньями о русской деревне, написанными в ссылке в 60-е годы, Бродский вроде бы оградил себя от подобного рода обвинений, хотя и эти стихи написаны человеком, не живущим “внутри” деревенской стихии, а глядящим на неё с интересом, но со стороны.

И вообще, можно ли считать его “русским” поэтом “имперского склада”, если Бродский, серьёзно повзрослев, через 10 лет после “деревенского цикла” – в 1972 году – написал следующее “мировоззренческое” стихотворенье:

*Холуй трясётся. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.*

*Се — вид Отечества, гравюра.
На лежанке — Солдат и Дура.
Старуха чешет мёртвый бок.
Се — вид Отечества, лубок.*

*Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей — куча на полу.*

*Луна сверкает, зренье муча.
Под ней, как мозг отдельный, — туча.
Пускай Художник, паразит,
другой пейзаж изобразит.*

1972

“Се вид Отечества” – державинским слогом вещает поэт. О каком же Отечестве идёт речь? О России?

Но читаешь “холуй тряётся. Раб хохочет” и вспоминаешь Достоевского: **“Европейски развитые любители народа русского всегда презирали народ. Они верили, что он раб <...>. Пушкин первый объявил, что русский человек не раб, и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство”**.

Но зачем Бродскому откровения нелюбимого им Достоевского о якобы любимом “Александре”, если он сочиняет карикатуру мирового значения на Отечество, сочиняет с той же холодной злостью, с какой сочинял оду “о незалежности”, демонстративно не заботясь ни об исторической, ни о поэтической правде. **“Тиран кромсает каплуна”**, — но ведь вся эта фраза-картинка из европейской жизни, из Франсуа Рабле, из легенды о Уленшпигеле, в которых и присутствуют эти “каплуны” и “тираны”. **“На лежаке Солдат и Дура”** — и в этой “гравюре” нет ничего русского. **“Старуха чешет мёртвый бок”** — это вообще из старонемецкой “готической сказки”. **“Палач свою секиру точит”** — Иосиф в приступе снобизма даже забыл, что “секира” — не орудие казни, а военное оружие стрельцов, как меч или копьё. И палачи в России пользовались не секирой, насаженной на длинное древко, а тяжёлым топором, плотно сидевшем на топорнице.

“В прихожей — куча на полу”... Может быть, это о цивилизованных немцах, которые во время войны, вселившись в русские деревенские избы на оккупированной территории, не считали хозяев за людей и справляли малую и большую нужду где попало, о чём имеется множество свидетельств.

Из “русского” в стихотворенье остаётся только **“сверкает зимняя луна”** и **“собака лает, ветер носит. Борис у Глеба в морду просит”**. Это — главные строки стихотворения. Но комментировать их я не могу из чувства брезгливости. Это — не “лубок”. И не “гравюра”. Это, скорее, “куча на полу”. А если говорить серьёзно, то по отношению к нашим святоумчикам круче православного Иосифа Бродского повёл себя разве что Святополк Окаянный. Бродский “изобразил на гравюре” наше Отечество таким, что, прочитав это стихотворенье, самый упёртый бандеровец со злорадством скажет: “Вот они каковы, кацапы и вся ихняя Россия!” — и простит Иосифу оду о “незалежности”... Одно лишь извиняет Бродского. Стихотворенье называется “Набросок”. То есть черновик. Был у него шанс передумать. Но не “срослось”, как говорят сегодня.

Ну, ладно, с Россией разобрались. Но за что он ненавидит национальную суть украинского человека? — За его исконную укоренённость в земле:

*Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом!
вас родила земля: грунт, чернозём с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не даёт вам, кавунам, покоя.
Ой-да левада, степь, краля, баштан, вареник...*

Вот она, сердцевина его манифеста, его приговора всем гоголевским героям, “ковыряющимся” в “чернозёме”, скачущим и блуждающим по “степи”, объясняющимся в нежных чувствах своим “дивчинам-кралям”, собирающим урожаи со своих “баштанов”. А что касается брезгливости поэта по отношению к “варенику”, то скажу, что он ничуть не хуже “мацы” или “фаршированной щуки”. Еврейство Бродского, от которого он демонстративно и небезуспешно отстранялся всю жизнь, время от времени прорывалось в нём. И не случайно он однажды всё-таки побывал на Западной Украине, в местечке Броды, откуда вышли его предки, “поковырялся в корнях”, в земле, по которой прошли батальоны Тараса Бульбы, “огнём и мечом” мстя “ясновельможным шляхтичам “и “жидам-арендаторам” за смерть Остапа и за неудавшуюся судьбу “неньки Украинь”.

Но если порасквентить мозгами, то с такой же еврейской неприязнью “людей воздуха” (вспомним картины Марка Шагала!) относился Эдуард Багрицкий к “людям земли” — к своему антиподу хуторянину Опанасу, к “человеку предместья” из русского Подмосковья, тоже “ковыряющемуся в земле”.

Мифологическое понятие “Мать — Сыра земля” враждебно “людям воздуха”, как и всё, что рождается из её утробы: у Бродского это “семечки”, “хлеб”, “кавуны”, “жмых”, “колобы”, “вареники”, “курица из борща”, у Багрицкого — всё то же самое: “капустная благодать борща”, “колоды для пчёл”,

“мир дрожжевой, густой”, “воркованье щей”, “ушат топлёного молока”... И тому, и другому ненавистен “матёрый желудочный быт земли”. Я уверен, что Иосиф Бродский – поэт космополитического склада – возмущался бы, узнав, что я сравниваю его творчество с творчеством поэта революции Багрицкого. Но что делать! Еврейские комплексы до конца не изжил из своей генетической сущности и родовой памяти ни тот, ни другой. Такова ирония истории. Я уж не буду подробно говорить о том, что Иосиф, ненавидя антисемитскую Украину Бандеры и “вертухая” Демьянюка, в упор не видел Украину Александра Довженко, Сидора Ковпака, Ярослава Галана, Олега Кошевого, Богдана Ступки, Михаила Стельмаха, Владимира Сосюры, Ивана Кожедуба и многих десятков миллионов в полном смысле этого слова настоящих “имперских” русско-советских украинцев. Да, в конечном счёте, самого Бродского объединяло с украинскими вертухаями то, что он, как и они, выбрал себе изгойскую судьбу и эмигрантскую долю (что весьма странно для “патриота империи”). Разве что, в отличие от них, добровольно. Конечно, УПА и УНСО, и дивизия “Галичина” из истории не выкинешь, как и резню, которую бандеровцы устроили полякам на Волыни и евреям на Львовщине, как и способность “самостийников” служить всем режимам в роли лагерных охранников и “вертухаев”. Недаром в советское время в литературной среде была широко известна история о том, как делегация украинских писателей приехала в Минск на какой-то литературный праздник и во время дружеского застолья один из украинских гостей, крепко подпивший, произносил тост, так расхвастался, говоря, что Украина богата всем – и антрацитом, и железной рудой, и чернозёмом, и пшеницей, и Чёрным морем, и ДнепроГЭСом, и великой литературой, и так неуместно и вызывающе все это выглядело по сравнению со скромной и небогатой белорусской жизнью, что белорусские писатели выслушали его похвальбу, и кто-то из них, чуть ли не Максим Танк, взял слово и добавил:

– Ну, да, у нас никаких украинских богатств нету, у нас даже своих полицаев не было, нам их с Украины привозили... – И верно: белорусскую Хатынь, как и многие другие партизанские деревни, сожгли вместе с людьми бандеровцы. И не случайно одесское жертвоприношение в пламени пятидесяти человек 2 мая 2014 года народная молва окрестила новой Хатынью.

Впрочем, Максим Танк был не до конца справедлив: в Белоруссии тоже имелись свои полицаи, как и в России власовцы. Но разница между русско-белорусской и украинской историей состоит в том, что Власова и нескольких его ближайших сподвижников повесили в Москве на Лубянке, что рядовые власовцы, как и белорусские полицаи, оттянули свои двадцатипятилетние срока в Норильске и Магадане. А самое главное заключается в том, что ни в Белоруссии, ни в России никогда и ни за что они не пройдут с почётом по улицам наших столиц, как проходят их “товарищи по оружию” по Риге и Киеву, и никто из них никогда не будет ни окружён почётом, ни возведён в герои.

И ещё несколько слов о финале стихотворения Бродского. “Брехня Тараса”... Поскольку для русского народа “Пушкин – это наше всё”, и потому любые попытки умалить его значение бесполезны, так и Тарас Шевченко есть “всё” для народа украинского, и потому любые оскорбительные и даже справедливые слова о Кобзаре будут сказаны о нём впустую.

* * *

А как мировое еврейство предало Одессу – любимый город русских евреев, город Багрицкого и Катаева, Бабеля и Кирсанова, Веры Инбер и Маргариты Алигер, Ильфа и Петрова!

Как советское еврейство славilo свой уголок Средиземноморья, город солнца, каштанов, солёных запахов моря, еврейских шуток и анекдотов, город жизнелюбивых аборигенов, город авантюристов, поэтов и торговцев, город Остапа Бендера!

Помнится мне мой первый приезд в Одессу. Я подхожу в гостинице к администраторше – пожилой еврейке, – протягиваю ей паспорт, и она с места в карьер обращается ко мне, словно к старому знакомому:

– Мой покойный муж, который заел мне жизнь, – и тут же рассказывает всё, что знал об Одессе её покойный муж.

А как самозабвенно одесситы славили свою Одессу в стихах и песнях! “Есть город, который я вижу во сне, // о, если б вы знали, как дорог // у Чёрного моря приснившийся мне // в цветущих акациях город...”, “Недаром венюк ему свит золотой // и назван тот город героем”, “Ты одессит, Мишка, а это значит, // что не страшны тебе ни горе, ни беда...”; “Одессу покидает последний батальон”; “Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону...”; “Фонтан черёмухой покрылся, // бульвар Французский весь в цвету...” Слова писали Кирсанов, Лисянский, Голодный, Матусовский; музыку – Ян Френкель, Никита Богословский, Михаил Блантер, Модест Табачников; песни исполняли Леонид Утёсов, Марк Бернес... Что случилось? Где это эхо? Но почему “одесситы всего мира”, вставшие грудью на защиту французских евреев, миллионами вышедшие на улицы и площади Европы, держа в руках таблички, флаги и транспаранты со словами: “Я – Шарли”, – не вышли на защиту одного из самых знаменитых еврейских городов мира?

Европейские евреи отстояли Париж от атаки исламистов. Но почему они сдали Одессу бандеровцам? Наверное, по той же причине, по какой израильский президент не едет в Москву на праздник Победы, “забыв”, что само государство Израиль возникло лишь потому, что Советский Союз сначала разгромил Третий рейх, а через три года Сталин буквально заставил весь западный мир признать государство Израиль. Неужели вся память испепелилась вместе с одесситами, сгоревшими в Доме профсоюзов? Неужели всё вычеркнуто из истории лишь потому, что мировое еврейство приказало еврейству советскому предать свою великую родину? Неужели вольнолюбивая южная дерзкая душа Одессы ушла с клубами чёрного дыма в синее небо, а судьба города у моря отдана в управление слугам еврейского нациста, хабадника и гражданина мира Коломойского?..

* * *

Подводя итоги своей литературной судьбы, Владимир Маяковский говорил:

*Я в долгу
перед бродвейской
лампионией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.*

Я тоже в долгу перед Новороссией, откуда 15 декабря 2009 года получил короткое письмо.

*“Уважаемый Станислав Юрьевич,
беспокоим Вас из далёкого, но “своего” Донецка. Надеемся, что в это сложное для всех нас время Вы не забываете об осколках нашей общей Родины.*

Предлагаемый Вам сборник, конечно, не полное собрание поэзии Донбасса, это только творчество отдельных авторов, разделяющих убеждения редакции журнала “Наш современник”. Очень хотелось бы узнать Ваше мнение о нашей работе. Впрочем, лучшей оценкой будет публикация в Вашем журнале.

Ещё об очень многом хотелось бы Вам рассказать и об очень многом расспросить, но так же сильно не хочется злоупотреблять Вашим вниманием. Но мы не можем не поблагодарить всех НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ (как ныне здравствующих, так и тех, кого уже нет). Спасибо, Ваши труды были не напрасны.

Р. С. К стихам прилагаем номер нашего издания “Неродина” – “донецкий” взгляд на наши общие проблемы”.

Когда я получил из Донецка эту бандероль, все мысли – и мои, и всего коллектива редакции – были об одном: тираж лучшего толстого литературного журнала снижается, потому что государство сокращает расходы на библиотечную подписку. Что делать? Просить помощи у губернаторов? Но их, знающих цену нашему журналу, остались в России единицы: Тулеев, да Савченко, да Артамонов. Московские власти повышают аренду за помещение редакции, на двенадцать номеров средств не хватит, разве что на десять... Не до украинских забот нам, не до Новороссии... С тяжёлым сердцем прочитал я стихи трёх поэтов – Максима Газизова, Артёма Маслова, Игоря Галкина – и закручинился. Тем более, что тоненькая книжечка Газизова с корешком, прошитым лишь одной скрепкой, открылась на странице со стихотворением, уколотившим меня в сердце:

*А в Москве всё же трубку не сняли.
Я в Донецке сказал: "Ну и пусть!"
Позабыл Станислав Куняев
Своей лирики позднюю грусть.
Позабыл, что бывают поэты
И в далёких донецких степях.
Только — русские светят рассветы
В тех, забытых Москвою краях.*

И дарственная надпись на титульной странице гласила: **“Станиславу Юрьевичу за всё, что он для меня сделал, сам того не ведая, декабрь 2009 года”**. А два альманаха “Неродины”, выглядели, словно изданные на оккупированной территории: жёлтая бедная бумага, нет ни оглавления, ни главного редактора, ни списков редколлегии и сотрудников, ни адреса, ни телефонов, ни тиража, ни типографии...

Но содержание – наше! Рассказ о ельцинском расстреле Российского парламента, стихи Юрия Кузнецова из “Сошествия во ад”:

“Ельцин с Чубайсом по глазки в смоле оказались, // те, кто под чёрным расстрельным письмом подписались, // в сорок два счёта гуртом угодили в дерьмо, // где-то над ними и плавает это письмо”. И позорный список всех подписавшихся “российских письменников” приведён, и слова Максима Газизова завершают материал: **“Это был расстрел Родины. Кажется, Станислав Куняев о них сказал: “Помолиться бы за них, да Богородица не велит”. Всей демократической мрази, всей сраной интеллигенции заявляю: мы помним!”** А на следующих страницах “Неродины” я увидел отрывки из книги митрополита Иоанна Санкт-Петербургского, очерк “Одоление смуты” под заголовком: “Анафема пролившим невинную кровь”. В этом же номере – стихи о расстреле российского парламента Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова, Александра Боброва, размышление поэта Артема Маслова о романе Проханова “Красно-коричневый”.

Как же случилось, что я их не напечатал, и даже, как помнится, радушным письмом не ответил, повторяя про себя пословицу – “не солнышко, всех не обогреешь”... Ведь у них уже нет ни Кожина, ни Кузнецова, ни Панарина – остался один я...

Другой номер “Неродины” был ещё круче. Статья Газизова “Резня по-хазарски” – о преступлениях израильских головорезов в палестинской Газе; “Горе от умников” – о провокаторской роли либерально-российской интеллигенции во всех бунтах и революциях; “Высокий порог гениальности” – о поэзии Юрия Кузнецова, а ещё материалы об избрании Патриархом Всея Руси Кирилла, рассказ о убийстве Милошевича в Гаагском трибунале, беседа Газизова с профессором Донецкого национального университета Владимиром Фёдоровым, учеником Вадима Кожина, о том, что такое истинная поэзия, любопытные статьи о Ницше, о Вейнингере, о Василии Розанове.

Одним словом, “Неродина” была как бы дочерним изданием “Нашего современника” на Новороссийской земле, чего я не разглядел несколько лет тому назад. Но почему “Неродина”? Да потому что о жизни на ней Артём Маслов пишет так:

*Кто враг наш?
Ребята, откуда*

*грозит нам несметная рать?
С Востока завьюжит нас вьюга
иль с Запада молнии ждуть?*

Потому что Игорь Галкин спрашивает:

*Мы его песни могли поорать бы,
но гложет одно и то ж:
кто первый из бывших братьев
бросит в другого нож?*

Потому что Максим Газизов разбрасывает по страницам своей книжечки пророческие афоризмы: **“полурусской всё полно тоской”, “Крым с Донбассом – конечно, России, // – помечтаю я вслух о войне”, “Небо серое – как не заплакать? // И такие же точно поля, // южнорусская зимняя слякоть, // тёплый запах родного угля”**... И он же, поставив к одному из своих стихотворений эпиграф из Юрия Кузнецова: **“Посмотри! Твою землю грызут // Даже те, у кого нет зубов”**, – продолжает Кузнецова своими словами: **“Посмотри! Нашу Родину сузили // до пределов мазепова княжества”, “разделили и мы неделимое // срифмовали с ладонью лезвие”**.

Нет, я был невнимателен к ним. Надо было их всех троих – и Газизова, и Маслова, и Галкина – напечатать, закрыв глаза на все наши великорусские журнальные заботы, на всю иронию, на всю жёлчность, на весь скепсис, на всё косноязычье их виршей, которые вопреки всем обстоятельствам дышат “странной любовью” к “неродине”. Им было тяжелее, нежели нам, потому что они жили и выросли в **“диком поле”**, в **“гуляй-поле”**, где **“холода, тревоги, да степной бурьян”**, где **“сиромаха скачет”**, где человеческая жизнь зависит то от Махно, то от Котовского, то от **“Когана-жида”**. Им было тяжелее, нежели нам... **“Я родину начал любить, // когда мы её потеряли”** (Максим Газизов). **“К чему воспоминанья напросились? // О том ещё напишут и спуют – // как Родина навстречу проносилась, // которую предательски убьют”** (Игорь Галкин) **“Направим оружие друг в друга. // Мой брат, этот враг среди нас”** (Артём Маслов). Скифское “Гуляй-поле”, где “гулял” хуторянин Опанас, расстрелявший комиссара-Когана и получивший за свой естественный и утробный антисемитизм пулю от чекиста из “городка Балты”, до сих пор живёт по своим законам.

*Опанасе! Наша доля
туманом повита:
шли мы раньше в запорожцы,
а теперь в бандиты...*

Соплеменник Когана Эдуард Багрицкий предвидел в “бандите Опанасе” нынешних героев майдана, нынешних кошевых-атаманов карательных куреней – всяческих ярошей, мельничуков, семенченко... “Слава героям!”, идущим в новое время из “бандитов” в депутаты украинской Рады. Вот таким получается в современной истории “махновско-когановский” узел, где все повязаны друг с другом кровью.

И зачем я усвоил свою совесть русской пословицей “не солнышко, всех не обогреешь”? Отмахнулся, не написал подробного письма, чтобы молодые поэты не восхищались Ницше или Вейнингером, отравившим многие умы русского Серебряного века. А вот Розанов – совсем другое дело, потому что именно он завещал: **“Счастливую и великую Родину любить – не велика вещь. Мы её должны любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от неё...”** Но и это ещё не последнее: **когда она, наконец, умрёт, и обглоданная евреями будет являть одни кости, тот будет “русский”, кто будет плакать возле этого остова**... Конечно, немудрено молодым поэтам запутаться в собственных чувствах и прийти в отчаянье от того, что душа никак не может понять, кто им Новороссия: мать или мачеха? Или мать-и-мачеха одновременно. А тут ещё Багрицкий со своей “сиромахой”... В украинско-русском словаре сказано, что это “горемыка”, что “сиромашня” – это “чернь”, “простонародье”... Ну, как его

полюбить? Разве что вспомнить строки Александра Блока — любимого поэта Максима Газизова: **“Но и такой, моя Россия, // ты всех краёв дорожке мне”**... Не зря же на обложке книжечки Максима, названной **“Лето пришло почти мёртвым”**, автор изображён прислонившимся к чёрному дощатому забору, на котором висит белая доска с надписью **“Улица Блока”**.

У любимого поэта новороссийской плеяды есть стихотворенье об их **“не родине”**:

*А уж там, за рекой полноводной,
где пригнулись к земле ковыли,
тянет гарью горючей, свободной,
слышны гуды в далёкой дали...*

*Путь степной — без конца, без исхода,
степь, да ветер, да ветер — и вдруг
многоярусный корпус завода.
Города из рабочих лачуг...*

*Уголь стонет, и соль забелелась,
и железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
мне Америки новой звезда!*

Автором этого стихотворенья должен был стать Маяковский в эпоху советской индустриализации. Когда он писал стихи о Кузбассе, где **“будет городсад”**, о вселении **“литейщика Ивана Козырева в новую квартиру”** и т. д. Но его написал Александр Блок аж 12 декабря 1913 года. И благодаря интуиции историка провидец-поэт назвал стихотворенье **“Новая Америка”**, словно предвидя, что через столетие в Украине появятся самые разнообразные американцы. Не только Джозеф Байден, Джон Керри, Маккейн и Виктория Нунланд, но и с фамилиями Чумаченко, Наливайченко, Коломойский, да ещё какие-то официальные министры вашингтонского происхождения укоренятся в Киеве, глядишь и Лазаренко после отсидки в США вернётся и найдёт себе работу в правительстве рідной неньки. Имя всем этим **“новым американцам”** — **“легион”**, если вспомнить ещё о **“легионерах”** из частных военных компаний в пятнистой форме, пошитой для колониальных войн демократической Америки.

А с какой беспощадной точностью написал Газизов о том, как новое молодое поколение теряет память о великой войне, выигранной поколением дедов и прадедов:

*Третье уже поколение,
Памяти только на треть.
Снова троллейбусом еду
Через донецкую степь.*

*Бабушка старческой судорогой
Входит из прошлых лет,
Вот показала кондуктору
Красный военный билет.*

*Красный, по краю обугленный,
Страшно из памяти взять!
Весь изувеченный пулями:
Сорок один — сорок пять.*

*— В битвах стояли — присядьте!
— Вот уступили хоть раз...
Внучек, когда ж расстреляете
Эту буржуйскую мразь!*

*— Бабушка, нет нам прощенья, —
Стал я, запнувшись, неметь.*

*Третье уже поколение.
Памяти — только на треть.*

*Сердце сквозь годы остудится,
Вечной не вспомнит вины.
Мчится троллейбус по улицам
К новым руинам войны.*

Я теперь понимаю, почему эти ребята назвали свой журнал “Неродина”. Дай Бог, чтоб до них дошли эти мои слова. Лучше поздно, чем никогда.

Но есть у меня и некоторые заслуги перед Новороссией. 16 сентября 2010 года я получил письмо из города Свитово Луганской области.

“Дорогой Станислав Юрьевич

С огромным интересом прочитал Вашу книгу “Стас уполномочен заявить...”. Все высказанные в ней мысли совпадают с моими, хотя выразили Вы их, конечно, интереснее и содержательней, чем смог бы я.

Я тоже с горечью воспринимаю то, как “распинают Русь // иных времён иуды и пилаты”. В понятие “Русь” включаю и свою Украину, ведь все мы — из русичей, у нас общая история, общие победы и поражения. Но величайшим поражением стало преступное отсоединение Украины от России. Националисты воспользовались моментом в дни путча 1991 года и объявили “независимость”, а потом, коварно сформулировав вопрос, провели референдум. И народ, не осознавая до конца сути замысла, проголосовал “за” “незалежну Украину”. С годами становится всё яснее, что это была грандиозная афера и ошибка.

С воодушевлением читал я в Вашей книге страницы о Сергее Есенине и Николае Рубцове. Ведь мне посчастливилось посетить Вологодчину. Ещё в 2002 году мы, группа луганских поэтов, выступали в МСПС на Поварской в Москве. Я тогда принял участие в рубцовском конкурсе, организованном Ю. Кириенко, и как одному из победителей мне предложили поехать летом по рубцовским местам. Вместе с Владимиром Кучером и Эрнстом Любенко мы поехали в Вологду, где посетили могилу Николая Михайловича, побывали возле памятника, после этого приехали в Тотьму и оттуда в Николу. Жили в доме-музее Рубцова и даже выступали в местном клубе. И когда читал Вашу книгу, я очень зримо представил и село, и школу, и разрушенную церковь, и кладбище, и реку Сухону, и паром. Поездка по рубцовским местам по-настоящему осветила душу.

Книга Ваша как бы снова вернула меня в те времена. Хочу ещё сказать, что книга Ваша очень нужна для русского самосознания. Ведь, что греха таить, мы, к сожалению, не всегда умеем объединяться и бороться за самих себя. Вот и позволяем хитрым и шустрым ребятам пользоваться нашей разобщённостью. “Стас уполномочен заявить...” Я Ваше заявление поддерживаю. Чем больше будет таких книг, тем скорее славянство (в который раз!) объединится.

*По-братски жму Вашу руку.
С уважением, Сергей Кривonos”.*

Кроме того, мне помнится, что в начале двухтысячных годов в моём заочном семинаре Литературного института учились трое студентов с Украины — две девушки и один парень. Я сознательно взял их к себе, чтобы протянуть к украинской литературной жизни хоть какую-то новую ниточку, когда всё вокруг разрывалось.

Валерий Коростов из местечка Бровары был одним из лучших моих студентов. У меня сохранилось письмо, в котором он писал: “Украина очень обывательская и нелюбопытная к творческим людям страна, и я очень от этой атмосферы страдаю”. “Слава Богу, хоть был Литинститут, который, увы, подходит к концу”...

Я помню тебя, Валерий, и желаю, чтобы ты не зарыл свой талант в украинский чернозём. Не забывай всего, чему я тебя учил.

А Юлия Кадченко, родом из Вятки, на четвёртом или пятом курсе вышла замуж за киевского журналиста, фамилия которого не раз мелькала на российском телевиденье летом 2014 года. Он был одним из немногих журналистов “с той стороны”, который более или менее объективно излагал события

рокового года, не лгал, не выдумывал ничего лишнего. Надеюсь, что такая объективность была присуща ему и оттого, что его женой стала моя студентка, уехавшая в Киев с изданной книжкой стихов и членским билетом Союза писателей России.

Ещё одна моя выпускница – Оля Шеметова, – когда-то бывшая киевлянка, ныне живущая в Подмоскowie, недавно прислала мне стихотворный цикл. Среди прочих там было такое стихотворенье.

*Я помню Киев в гроздьях винограда.
Мне было десять лет, и до распада
Страны, что карту мира берегла,
Ещё дышала жизнь добра без зла.
Крещатик ждал каштановых теней,
И вдаль идущий не был на прицеле.
Купив пломбир, бродила я без цели,
Не ведая глубин грядущих дней.
Мне вдруг букетик подарил цветочник,
И взгляду, как ладонь, раскрылась площадь...
Что тридцать лет спустя горит на ней,
Не знаю я, но ясно вижу лица:
Какая-то безумная столица
Из Африки иль Папуа-Гвиней.
Как будто провели карандашом
Карикатуры из “За рубежом”
(Кто помнит эту давнюю газету?..)
Омега, альфа, гамма или бета —
О том вещает некий Тягнибок
И громко повторяет: “С нами Бог!”
Но плачет пожилой строитель БАМа,
Но глупо улыбается Обама,
И я смотрю безмолвно на экран —
Европа, Рада, доллары, майдан.
Вот кто-то грузит, подгоняя кузов,
Украшенное золотом джакузи,
А стоны умирающих от ран
Досадно отвлекают на минуту,
Вот двери человек с лицом Иуды
Берёт необоримо на таран...
И понимаю: никуда не деться
От попранных воспоминаний детства:
Там в дальних куполах играло солнце,
И Днепр был золотым, и крепким — чай,
И ветер так распахивал оконца,
Как будто вечный август обещал.
Как плод каштана, медленно крепчал
Вечерний Киев в восемьдесят пятом.
...Четырнадцатый год, удар плеча...
Кому и для чего нужна расплата?*

Благодарю тебя, Оля! Ты не зря слушала меня внимательнее других на наших семинарах.

* * *

Перечитываю письма, полученные с Украины не только в разрушительное время перестройки и гибели великой страны, но и гораздо раньше – в восьмидесятые, и даже в благополучные семидесятые годы, – письма, полученные мной не только от друзей-писателей, но и от незнакомых читателей, которые в советское время, прочитав какую-либо нашу книжицу, брали в руки перо или садились за пишущую машинку и сочиняли нам письма – трогательные, поучающие, благодарные, суровые – всякие. Что их толкало на это? Избыток чувств? Полученное школьное образование? Любовь к художественному

слову? Желание быть соучастниками таинственной обратной связи писателя и читателя? Гражданская совесть? Вера в могущество слова? Как бы то ни было, но в советском двадцатом веке на просторах нашей многонациональной Родины возникло сообщество людей такого склада, которых до советского XX века никогда не было в мировой истории и, видимо, никогда уже не будет. Вот письмо читателей из советского простонародья, из селянской Украины, свидетельствующее об их духовном мире, о неравнодушии к жизни, душевном благодестве и ещё о многом.

“10 декабря 1982 года,
г. Киев.

Дорогой Станислав Юрьевич!

В электричке мы были свидетелями, как человек в рабочей спецовке читал Ваши стихи. Перед конечной остановкой он громко, на весь вагон, прочитал своё:

*Среди скотов и негодяев
Есть праведник один — Куняев!*

В Киеве мы с большим трудом приобрели сборник Ваших стихов, изданных почему-то ничтожным тиражом. Вернувшись домой, мы всю ночь читали Ваши стихи. Давно не получали такого удовольствия от поэзии, и нам стала понятна оценка, прозвучавшая в вагоне из уст человека в спецовке.

Многие Ваши стихи хочется выучить наизусть, как стихи Некрасова. Значит, Вы нашли ключ к уму и сердцу человека. От всей души желаем Вам новых успехов в Вашем суровом творческом подвиге!

К сожалению, в сборник не вошёл стих об Афродите, имя и тайну рождения которой забудет мир, погружённый в забвение. Этот стих читал наш попутчик, и мы согласны с ним, что никто лучше не сказал до сих пор о последствиях загрязнения окружающей среды. Если у Вас будет возможность, пришлите, пожалуйста, это стихотворение по адресу:

255032
Киевская область, Броварской район,
п/о Гоголево, хутор Заря,
медпункт, Устименко Петру Ивановичу.

*С уважением и благодарностью!
Братя Устименко”.*

Я, конечно, несказанно удивился, что именно стихотворение о богине любви и красоты Афродите так взволновало “человека в рабочей спецовке”. Я, честно говоря, думал, что такого рода стихи будут близки и понятны лишь читателям “заточенным”, говоря сегодняшним языком, на “изысканную”, на “интеллектуальную” поэзию, на “мировую культуру”, “креативным” читателям, усвоившим греческие мифы с их богами и героями. А тут простые хлопцы, украинские хуторяне! Я, конечно, послал им свою книжицу с этим стихотворением, написанным мною на берегу Средиземного моря, в Тунисе, куда я был приглашён в 1974 году на съезд писателей сражающейся Палестины...

*То время туманом покрыто,
когда на песок золотой
взошла босиком Афродита,
рождённая в пене морской.*

*А море шумит, как шумело,
но волны на берег несут
не чьё-то прекрасное тело,
а доски, бутылки, мазут.*

*Шуршат под ногами газеты,
струится обеденный чад.
В гигантских отелях клозеты
на всём побережье урчат.*

*Где некогда влажные косы
в горсти отжимала она,
щенок разгребают отбросы...
Но всё же бормочет волна,*

*что час неизбежно настанет,
и сам своей мощи не рад...
Наш род человеческий устанет
творить комфортабельный смрад,*

*иссякнут последние недра,
вся нефть испарится до дна,
и будет последняя жертва
природою принесена.*

*Вновь на берег выйдет богиня,
но мир, уходя в забвенье,
не вспомнит ни древнее имя,
ни тайну рожденья её.*

Что бы ни случилось с многострадальной ненькой Украиной, но если живы эти удивительные братья Устименко — кланяюсь им моим последним, земным, русским поклоном. На таких, как они, как Александр Сизоненко, как Борис Олейник, как Олесь Бузина и Олег Калашников, поэт из Николаева Владимир Пучков, как старший лейтенант советской армии Галина Савченко из Киева, как моя подруга-харьковчанка, как плеяда поэтов из Донецка, как нынешние ополченцы, — вся моя надежда... Как и на русскую пословицу: “Помирать собрался, а рожь сей”.

Слава героям — истинным патриотам Украины и России!

1–10 апреля 2015 года

Послесловие от Владимира Бондаренко

ПАМЯТИ ОЛЕСЯ БУЗИНЫ

Один из лучших украинских писателей, бывший шеф-редактор украинской газеты “Сегодня”, наш давний друг Олесь Бузина был убит 16 апреля в Шевченковском районе Киева. ЧП произошло на улице Дегтярёвской, во дворе дома № 58. Журналиста застрелили днём, в 13-00, возле подъезда его собственного дома. Олесь Бузина отдал журналистике более 20 лет: работал репортёром, ведущим телепередач, снял несколько документальных

фильмов, издал семь книг. Шеф-редактором газеты “Сегодня” он был с января 2014 года. Олесь Бузина был частым автором газет “Завтра” и “День литературы”, печатал у нас свои веселые и грустные истории. И вообще, был очень жизнерадостным человеком.

Факт убийства Бузины радостно подтвердил советник МВД Украины Антон Геращенко. Пресс-секретарь киевской милиции Юлия Мустах сообщила, что свидетели преступления утверждают, что Олесь Бузина был убит из пистолета. Преступники скрылись с места происшествия на автомобиле.

Информация об убийстве Бузины пришла во время прямой линии с президентом России Владимиром Путиным. Комментируя эти сведения, Путин заявил, что в Европе и в Северной Америке не замечают политические убийства на Украине. “Где убийцы этих людей? Их просто нет! Ни исполнителей, ни заказчиков. И это предпочитают не замечать ни в Европе, ни в Северной Америке”, — цитирует его РИА Новости.

Ранее в четверг сообщалось, что в Киеве убит журналист, соучредитель интернет-изданий ProUA и “Обком” Сергей Сухобок. Добавим, что 15 апреля в Киеве был застрелен депутат пятого созыва Верховной рады от Партии регионов, экс-соратник Виктора Януковича Олег Калашников. Убийство произошло около его дома. На Украине началась настоящая охота на независимых журналистов и политиков.

По словам Олесья, на него давно уже оказывалось давление сверху:

— Существовали негласные указания, что можно делать, что нельзя делать газете. Одним из таких указаний был запрет персональной критики премьер-министра Яценюка, запрет критики бывшего президента Кучмы, например. И ещё существовало несколько подобных распоряжений. Работать в этой ситуации было невозможно. — сказал в прессе Олесь Бузина. — Я не имел права даже говорить о том, что интернет-сайт газеты “Сегодня” официально не подчинён мне как шеф-редактору. Глупости выходили на сайте, ошибки фактические выходили. В этих ошибках обвиняли меня. С какой стати мне быть, извините, в этой ситуации крайним постоянно? Меня подставляли, а я должен был молчать? С какой стати? — задавался риторическим вопросом Олесь Бузина. После увольнения из газеты “Сегодня” он продолжал сотрудничать в прессе, часто выступал по российскому телевидению. 14 апреля в эфире “Радио Вести” он вновь прокомментировал текущую ситуацию в стране. На канале в Youtube этот ролик теперь назвали: “Слова, за которые убит Олесь Бузина”.

— В стране безработица, в стране огромное количество людей, которые попросту остались без денег, занять их нечем, просто невозможно. Все обещания майдана оказались брехнёй. Давайте называть вещи своими именами. Запад не будет покупать газовые турбины, вагоны — всё это у Запада уже есть. На майдане развели всю Украину на просто так, — заявлял Бузина, призывая помириться с Россией и “признать, что мы ошиблись”.

Слова, за которые убивают. Отрывки из публикаций Олесья Бузины.

“Я не хотел превращаться из журналиста в цензора. Ну, работать в этой ситуации было невозможно. Делать политическую часть газеты невозможно. Можно было просто сидеть, получать деньги и скатываться в развлекаловку. Я предпочёл уйти”.

“Посмотрите, какая грустная жизнь у украинских националистов. Посмотрите, какие тоскливые песни они поют. Всё их существование происходит на кладбище: от памятника Бандере на Лычаковский цвинтар и обратно. Разве нормальный человек захочет себе такой жизни? Разве русский человек будет молиться на Ленина в Мавзолее? Или на Дзержинского?”

“Война на востоке страны не приносит победных реляций. Министерство обороны признало более полутора тысяч погибших только среди солдат регулярной армии. Убитых из добровольческих батальонов в составе МВД никто даже не учитывал. Официально они не имеют статуса военнослужащих. “Небесная сотня” давно превратилась в трудно поддающиеся подсчету “небесные тысячи”. Всё чаще раздаются разговоры, за что же ведётся эта война? Страна словно сама выстрелила себе в ногу. И продолжает стрелять”.

“На мой взгляд, Украине нужен не хирург, а психолог. Человек, который погасит страсти, объяснив, что “еврочудо” не состоялось. И не состоится. Всё равно газ придется покупать в России. А теперь ещё и уголь из-за остановившихся шахт на Донбассе. И туда же продавать сыры, вагоны и рабочие руки.

По сути, создаётся диктатура. Но оттого, что диктаторов — не один, а трое, суть дела не меняется. Перед тем, как появилась диктатура Октавиана Августа, был триумвират. И гражданская война. Вот и всё. Помпей, Красс и Цезарь правили Римом. Но это была диктатура, хоть и триумвират. Диктатура трёх. Так тоже бывает в истории”.

“Когда народ заставит себя уважать? Заставить себя уважать можно только силой. Но власти народа побаиваются. И подтверждение моим словам — два забора: один забор вокруг Конча-Заспы, другой забор вокруг Верховной Рады. Эти заборы народу нужно сломать. Причём вокруг Верховной Рады в прямом смысле. Стране не нужен Литвин, забор вокруг которого построен за государственный счёт. Будьте активнее. Покажите власти кулак. Ведь вы же видите, что вас грабят”.

“Гимн и флаг Украины надо менять. Таким гимном только отпевать покойников. Тризуб я бы оставил. Это символ времён Киевской Руси. Националисты просто украли его на время. Флаг Украины нужно сделать малинового цвета. А вместо гимна надо исполнять марш запорожцев. Он весёлый”.

“Одни украинцы считают себя людьми глубоко не русскими, а другие, как я, людьми глубоко русскими. Рано или поздно украинцы вернуться в лоно триединого русского народа”.

“Настоящих левых у нас так же мало, как и настоящих правых. У нас вообще мало чего настоящего осталось. Все в основном прикидываются. Но я, как и Гоголь, как и Шевченко, человек русский. А мы, русские, победим. Мы — народ победителей!

Мне ведь тоже нужно было разбудить в себе русского. До 13 лет все меня уверяли в советской школе, что я — украинец, а я чувствовал какой-то подвох. Читаю “рученьки терпнуть, злипаються віченьки” — и прихожу в тоску, а послушаю “врагу не сдаётся наш гордый Варяг” — и всё во мне сразу поднимается”.

“Я живу в большом девятиэтажном доме. На первом этаже водочный магазин. Там на протяжении всех 90-х и начала 2000-х жизнь просто кипела. А теперь спокойно, как в морге, — все клиенты умерли. Последний — мой ровесник — отдал концы в прошлом году.

Пил три дня, а потом головой лёг на стол и остановился, как сломанные часы. Вот и Шевченко так остановился. От того же — от водки и неправильно понятой воли, которая без узды несёт нас, как бешеная лошадь, прямо в пропасть”.

“Я бы, наоборот, ввёл правило, чтобы оппозиция ходила только в вышиванках. Вышиванка дешевле, чем костюм от Бриони. Оппозиционер должен выглядеть ярко, но скромно. Шаровар оппозиции не хватает. И плахт. Чтобы было понятно: если в плахте, значит, это Фарион, если без плахты, значит, Анна Герман”.

“В принципе, я люблю Украину. Это прекрасное место для реализации активной личности. Хотя слабые здесь не выживают. Как в вестернах на диком Западе.

Людей объединяют только две вещи — ненависть к кому-то третьему и совместный проект будущего. Ненависть только разделить украинцев. У нас огромная “внутривидовая агрессивность”. Граждане Украины боятся выбросить свою агрессивность вовне и тратят её друг на друга. Так что ненавистью нацию не объединишь”.

“У нас три государства. Но мы один народ. Бог нас избрал хранить свет истинной православной веры. После отречения последнего царя мы живём в смуте. Царь отрёкся от своего народа. Народ отрёкся от своего царя. Сатана стал особенно силён в мире. Потому что православный царь — это “удерживающий”. Он не просто скипетр держит или плохого опричника за шиворот, он удерживает Святую Русь и весь наш мир от проникновения в него сатанинского начала, от бесовского беспредела.

Миссия нашего триединого народа, даже без царя, которого, надеюсь, Господь нам снова пошлёт, — по мере сил выполнять свой долг и бороться с чёртом внутри себя и вовне — в миру. Мы не можем быть плохими людьми. Мы можем просто плохо или хорошо выполнять свою миссию богоизбранного

русского народа. Богоизбранным народам всегда тяжело. Им многое небо даёт, но и жёстко с них спрашивает. Как только ты понимаешь, что украинец — это всего лишь такой русский, на тебя, не побоюсь этого слова, нисходит благодать. Ты успокаиваешься и несёшь свой крест. Вот и всё”.

“На днях попалась мне на глаза забавная картинка — Шевченко в каске и бронежилете, “мобилизованный” каким-то сильно “сознательным” пропагандистом на нынешнюю омерзительную войну. Почему она для меня омерзительна? Да потому, что не вижу я никакого смысла в том, чтобы люди, горящие на ОДНОМ языке или на двух разных, но абсолютно ВЗАИМОПОНЯТНЫХ, убивали друг друга во имя якобы каких-то “идей” и “ценностей”, а на самом деле — вообще непонятно ради чего.

При этом все, кто на самом веру (что в Украине, что в России), совершенно не спешат отдавать своих детей демону братоубийства. И сами в его пасты не лезут. Они охотно дискутируют на бесконечных ток-шоу, произносят высокоморальнейшие речи, нанимают продажных интернет-троллей, чтобы “мочить” всех, кто открыто выступает против войны, но на блокпосты не спешат. Им нравится, когда мужики дерутся — уже не до остервенения, а до смерти. Потому что почувствовали себя за последние двадцать лет большими панами и считают, что не барское это дело — гнить на фронтах. Барское — огонька в костёр подкидывать. И — людишек-дровишек, заводя их до одури телепропагандой.

Поэтому снова добрались и до Тараса, нацепив на него одолженный в Европе камуфляж. Видно, такая уж судьба у Кобзаря, что каждому хочется его приватизировать и перетащить на свою сторону, оправдав собственные безобразия. Всё-таки известный человек. К тому же мёртвый. А не записать ли его в собственный батальон? Не “отжать” ли Кобзаря, как чужую машину в зоне АТО, и поехать на нём к теще на вареники, хвастаясь разбойничьими по-двигами? Он же не будет возражать?

Он-то не будет. Но я возражаю. Тарас Шевченко — самый неподходящий символ для любой войны. Он годится для пропаганды милитаризма, как бравадный солдат Швейк для заманивания кандидатов в наёмную армию. Несмотря на то, что целых десять лет прослужил рядовым Русской императорской армии. Понимаете: Шевченко — РУССКИЙ СОЛДАТ. Никаким образом факт этот из его биографии не выкинешь. Попав в эту армию, он из неё не сбежал, не дезертировал, не занялся в ней вредительством или работой на британскую разведку, а просто предпочитал пить и есть с русскими офицерами в Оренбурге и форте Петровский, так как последние ценили общество выпускника Петербургской академии художеств и его “вместимость” при потреблении спиртных напитков. Они сами были не дураки выпить. А тут попал в гарнизонную глушь образованный человек, умеющий отлично рисовать картинки. Как не опрокинуть с ним бутылку-другую?

Шевченко мог бы и сам стать офицером. Согласно приговору Николая I, поэт был определён в армию “с правом выслуги”. Но никакого особого желания получить такие желанные для многих эполеты, а вместе с ними и дворянство, не имел. Как признался Тарас в собственном дневнике: “Я не только глубоко, но даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приёма”.

“Шевченко мог бы стать символом примирения и внутри Украины, и между Украиной и Россией. Две трети его произведений написаны по-русски. Все повести. Часть стихов. Дневник. Для Тараса русский был таким же родным, как и украинский. Не станет человек писать дневник, куда заносятся самые интимные переживания (Тарас рассказывал в нём даже о своих приключениях в публичном доме) на неродном языке.

Если двуязычие было естественно для автора “Кобзаря”, то почему мы должны отвергать его в себе? А ведь Шевченко был даже не билингом, а трилингом. С детства он разговаривал ещё и по-польски, усвоив этот язык во время проживания со своим паном в Вильно. Шевченко был общительным подростком. Он усвоил польский мгновенно, чтобы не чувствовать себя чужим в новом городе, куда попал из своего родного села. Тем более, что в дело вмешалась ещё и любовь к польской девушке. Языки сливались в прямом и переносном смысле. Девушка была пряная. И кто знает, не был ли один из последних фантастических проектов Тараса — создать единый литературный язык, понятный всем славянам (о нём упоминает Тургенев), — отзвуком той любви? Шевченко хотелось научить такому же пониманию всех славян. Дать

им инструмент для общения, то есть для примирения. И если тот же Тургенев отнёсся к задумке Шевченко иронически, как к утопии, то абсолютно чистую, без тени акцента русскую речь Тараса он отметил особо.

Из-за бурных событий прошлого года 200-летие Кобзаря прошло незамеченным. Всем было не до него. Теперь многим хочется призвать Тараса на войну. Снова превратить в рядового. Выдать ему вместо кремневого ружья автомат, нахлобучить каску “Шуберт”, бронезилет, берцы и научить не только ружейным приёмам, но и снайперской стрельбе. Не получится. Ему не нравилось убивать. Он больше по сочувствию, по доброте к простым людям. И всё у него просто сказано: “Обніміться ж, брати мої бо лихо вам буде”.

Олесь Бузина

*За что стояли на майдане?
За что людская кровь текла?
За то, чтоб цены повышались,
и лились слёзы у хохла?*

*За то, чтоб Крым вновь стал московским
и чтоб донбасским стал Донбасс.
За то, чтоб долю Украины
решал брюссельский пидарас.*